Архиепископ Иоасаф

(И. В. СКОРОДУМОВ)

В ВОСПОМИНАНИЯХ
ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

БУЭНОС АЙРЕС
— 1977 —

ПРЕДИСЛОВИЕ

Воспоминания об Архиепископе Иоасафе его современников являются именно только воспоминаниями и не претендуют именоваться жизнеописанием Владыки, т. к. не имеют для этого нужной полноты и достаточных сведений о внутренней и внешней жизни нашего почившего Архипастыря.

К сожалению, издание их по целому ряду причин слишком затянулось, но мы верим, что и сейчас мы не опоздали.

Цель этих воспоминаний, во-первых, оставить хотя бы слабый след о большом церковном деятеле и истинном русском монахе-подвижнике, след, который может постепенно исчезнуть из неблагодарной памяти людей, в особенности с уходом все бо́льшего числа его современников; во-вторых, зародить мысль о необходимости составления жизнеописания Владыки и тем самым как бы положить начало и дать путеводную нить будущему составителю этого истинного жизнеописания Владыки Иоасафа, который (или которые), мы верим, должны явиться в самом непродолжительном времени.

Для такого жизнеописания необходимо не только собрать материалы из нашей прессы и записать рассказы и воспоминания некоторых хорошо знавших Владыку лиц, что сделали мы, но и обязательно побывать в местах, где жил и трудился наш незабвенный Архипастырь, чтобы своими глазами увидеть результаты этих трудов и своими устами поговорить с сотрудниками, духовенством, паствой и с людьми, так или иначе бывшими свидетелями жизни Владыки Иоасафа и еще здравствующими.

Если это, даст Бог, случится, мы будем считать нашу скромную миссию выполненной. И это будет лучшая нам награда.

**
*

В этих Воспоминаниях дошедшие до нас и хранимые материалы использованы почти без изменений, также речь и записи различных лиц сохранены в присущем им духе. Иногда допущены и некоторые повторения, которые подчеркивают единство мнений многих знавших Владыку Иоасафа лиц, что с нашей точки зрения весьма важно и подтверждает народную веру, что "глас народа — глас Божий".

Естественно, что здесь могут отсутствовать многие интересные, но не известные нам данные из жизни Владыки, и мы обращаемся с убедительной просьбой ко всем лицам, знающим интересные материалы о внутренней жизни Архиепископа Иоасафа, поделиться ими с нами, и мы, по мере накопления таких данных, постараемся выпустить их дополнительным изданием к этим Воспоминаниям.

**
*

Мы не поместили в эти Воспоминания свидетельств некоторых лиц о чудесах, происходивших неоднократно по молитве Архиепископа Иоасафа, лишь вскользь упомянув о них в выдержке из письма художника М. М. Хрисагонова. Владыка запрещал говорить об этих чудесах при своей жизни из присущей ему скромности, а может быть по другим не известным нам соображениям. И, очевидно, по его воле явные следы этих чудес исчезали, хотя свидетелями их были многие люди. Так же случалось и с явлениями несомненно чудесного происхождения и после его кончины.

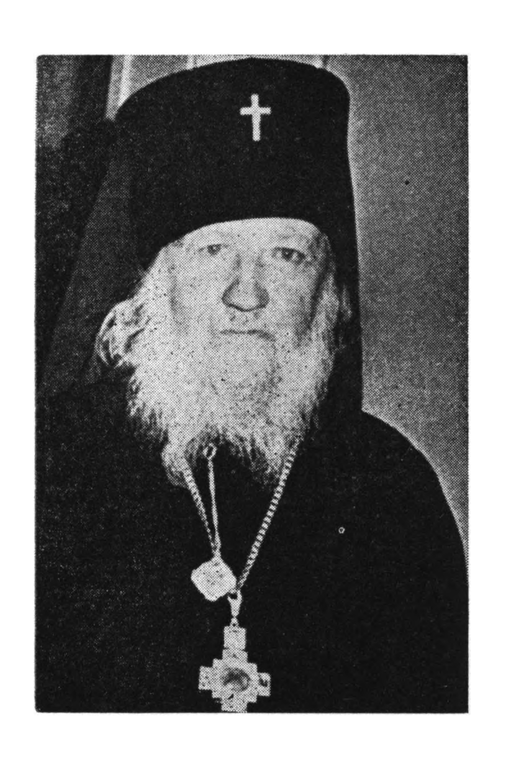
Мы, миряне, не смеем делать соответствующие выводы и заключения из таких свидетельств. Но если наша Зарубежная Церковь найдет необходимым обратить на них внимание, то мы верим, что доказательства чудес, происходивших по молитвам Архиепископа Иоаса-

фа, ведшего явно праведную жизнь, могут быть обнаружены или сами явятся на свет Божий.

Нельзя забывать слов Владыки Иоасафа, слышанных из его уст келейниками в Аргентине и сказанных при чтении им писания Св. Исаака Сирийского, слов, которые кончались так:

— По данной мне благодати я должен был бы быть чудотворцем, а тут... кроме собственных грехов, ничего не вижу....

Почитатели

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИЙ ИОАСАФ
АРХИЕПИСКОП
БУЭНОС-АЙРЕССКИЙ И АРГЕНТИНСКИЙ
(1955 г.)

РОССИЯ

(1888-1920)

1. ДЕТСТВО
2. ГОДЫ УЧЕНИЯ
3. ПОСТРИГ И ПЕРВЫЕ ШАГИ МОЛОДОГО ИЕРОМОНАХА
4. ИЗ ЖИЗНИ В ПОЛТАВЕ
5. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В РОССИИ

1. ДЕТСТВО

Владыка Архиепископ Иоасаф родился в селе Ребовичи, Тихвинского уезда, Новгородской губернии, 14 (26) января 1888 года и при святом Крещении получил имя Св. Иоанна Воина. Родителями его были священник этого села о. Василий Скородумов и Феодосия Михайловна, в девичестве Качалова.

Он был на три часа старше своей сестры — близнеца. Им, как детям полей и лесов, дали имена полевых цветов — "Иван да Марья". Также у него было два брата: первый — старше на три года, умерший в 1942 году во время блокады немцами Петрограда (Ленинграда), и второй — младше на два года, умерший двенадцатилетним мальчиком. В живых осталась только сестра Мария, живущая сейчас в Петрограде. Семья лишилась матери, когда близнецам было по пяти лет, и постепенно все хозяйственные труды и заботы о семье легли на маленькую Марию.

Семья скромного сельского священника жила среди красивой русской северной природы, вблизи озера и леса. Она была очень дружна, все любили друг друга, дети боготворили отца, который был с ними очень счастлив. Маленький Ванюша был общим любимцем. Он был очень живым ребенком, иногда любил пошалить, но был послушным и услужливым. С раннего детства отличался большой религиозностью и старался посещать каждое Богослужение, прислуживая в церкви.

Со старшим братом его связывали, кроме братской любви, также узы дружбы и товарищества детства. Для Ванюши старший брат был большим авторитетом, коноводом и вдохновителем детских игр и забав. Летом,

во время каникул, они вместе ходили в лес за грибами, за ягодами, отправлялись на рыбную ловлю, часто по целым дням пропадая на озере.

"Наловим, бывало, по полной торбе рыбы", — вспоминал Владыка, — "и отправимся домой, довольные богатым уловом. Дорогою вдруг кому-либо из нас приходила мысль — нести рыбу до самого дома, не переменяя плеча. А до дому идти еще версты три-четыре. Сначала ничего. Но потом, чем дальше мы идем, тем больше и сильнее тонкая бичевка, перекинутая через плечо, начинает врезаться в тело, причиняя сильную боль. Затем становится почти невтерпеж, но мы терпим и ни за что не хотим сдаваться. И когда, наконец, возвращаемся домой, то сами снять нашей ноши с плеча уже не в силах. Снимает сестра. На плече от бичевки остается глубокая, почти до крови, сине-багровая полоса. Приходит отец и, узнав о нашей новой затее, только улыбается и укоризненно качает головой: "дураки вы, дураки!" А на нашем языке это называется "подвигом".

"Или вот еще другой случай. Зимою, во время Рождественских вакаций, за целый день вволю набегавшись и накатавшись на коньках или на салазках, поздним вечером лежим, бывало, в теплых постелях и долго еще не спим, о чем-нибудь разговаривая шепотом. И вдруг, кому-нибудь из нас опять приходит неожиданная идея: вот так, как есть, босиком и в одних ночных рубашках, в мороз, по снегу быстро-быстро пробежать шагов сто туда и обратно... Но мы это проделывали так, чтобы ни сестра, ни отец не знали", смеется Владыка, — "а не то сильно влетело бы за такой подвиг"...

2. ГОДЫ УЧЕНИЯ

Когда мальчику Ванюше исполнилось 10 лет, о. Василий Скородумов отправился с сыном в Духовное Училище в город Тихвин. Мальчик блестяще выдержал вступительные экзамены в эту школу и в 1902 году окончил ее, получив право поступления в Духовную Семи-

И. В. Скородумов в бытность семинаристом.

нарию. В этой, уже более высокой духовной школе, находившейся в Великом Новгороде, юноша оказывает прекрасные успехи, оканчивает ее в 1908 году по первому разряду со званием студента семинарии и ее начальством, как один из лучших воспитанников, направляется на казенный счет в С. Петербургскую Духовную Академию. Выдержав конкурсные экзамены, Иван Скородумов в 1908 году становится студентом Духовной Академии.

**
*

Светская жизнь столицы не интересует юношу, и он весь отдается изучению богословских предметов и церковной жизни, тяготение к чему у него пробудилось еще в Семинарии.

Иван Скородумов был богато одаренным юношей. Видимо это было родовым. По семейному преданию, кто-то из его предков при поступлении в Духовное училище за правильные и бойкие ответы на вступительном экзамене получил фамилию Скородумов, вместо обычных среди духовенства фамилий по наименованию церковных праздников, приходского храма, самоцветных камней или цветов.

**
*

Уже с первого курса мы видим Ивана Скородумова управляющим Академическим студенческим хором. А ведь в Духовную Академию столицы ежегодно направлялся цвет всех Семинарий Российской Империи.

Можно предполагать, что он вообще в какой-то мере имел влияние на своих товарищей. Это видно хотя бы из случая, рассказанного Владыкой Архиепископом уже в бытность в Аргентине, когда за обедом в его присутствии на кого-то из молодежи напал "хохотун". Владыка сам посмеялся и, качая головой, рассказал:

— И с нами бывало... Иногда просто искушение! Вот, помню, готовимся мы, студенты Академии, к причастию, читаем правило; вдруг читающий запинается, "спотыкается" на каком-то слове... Вышло так смешно, что не можем удержаться от смеха. Сменяем чтеца, несколько секунд тишина, потом опять напал "смехун".

Стал читать другой, — повторяется то же. А ведь мы говеть собираемся! Подходит мой черед. Читаю. Сначала все тихо. Потом слышу — начинается. Оборачиваюсь к ним да как гаркну: — Перестать!... и все прошло. Вот когда мы на опыте узнали, что такое **искушение.**

**
*

Замечательный случай произошел в Академии со студентом Скородумовым. Революционное брожение в 1905-1908 годах захватило некоторые Духовные Семинарии и проникло даже в Академию.

— Однажды, по случаю какой-то "революционной даты", — вспоминал как-то Владыка, — студенты задумали устроить забастовку и не пошли в классы. Я, как всегда, отправился на занятия. Несколько студентов преградили мне дорогу. — Куда? Сегодня "день труда". Ты не смеешь идти на занятия.

"Вы говорите "день труда". Вот я и иду трудиться", возразил я и направился к выходу. Меня попытались удержать силой. Тут я не выдержал и, засучив рукава, бросил им вызов: — Кто первый? Подходи!

Видя, что я не шучу и зная мою физическую силу, противники мои отступили. Я один явился на занятия. Входит профессор и спрашивает:

— Вы один? А где же эти бараны?

— А я не пастух этим баранам, — отвечаю.

— Читайте молитву, — говорит профессор. Прочитал. Посмотрел, подумал профессор — что с одним заниматься? Покачал головой:

— Читайте молитву после учения. — Прочитал и ее. Ну теперь идите к себе в комнату. — На том и кончилось.

**
*

В Академии студент Скородумов с большим интересом изучал все науки, но особенно любил читать творения Святых Отцов и впитывал своим живым, впечатлительным и восприимчивым умом их учения, советы, наставления. Особенно он восторгался творениями Святителя Иоанна Златоустого: его дух, его стиль были

созвучны душе студента. В связи с этим у него произошел забавный случай. Член экзаменационной комиссии, читавший его письменную работу, с возмущением показывал ее Ректору, Епископу Феофану, что, мол, этот студент просто "скатал" с Иоанна Златоустого.

— Кто, Скородумов? Быть того не может! Этот такого не сделает! — возразил Ректор, хорошо знавший своего одаренного и любимого ученика и догадавшийся, что Скородумов настолько усвоил писания почитаемого им Святителя, что невольно стал подражать ему.

* * *

Архиепископ Феодосий Бразильский, вспоминая о Владыке Иоасафе, говорит, что он был на один курс ниже Владыки в Санкт Петербургской Духовной Академии, и поэтому очень близко они в то время не сходились. Но помнит, что Владыка Иоасаф, находясь под большим влиянием Ректора Академии Епископа Феофана, впоследствии Полтавского, и под руководством доцента Академии Иеромонаха Вениамина, впоследствии Митрополита, живо участвовал и серьезно работал в созданном о. Вениамином Златоустовском Кружке, изучавшем творения Святителя Иоанна Златоустого, а также в философском кружке.

* * *

Будучи на 4-ом — последнем — курсе, Иван Скородумов пишет научную работу на тему: "Монашество по Св. Иоанну Златоусту", за которую ему при окончании Академии в 1912 году присуждается диплом первой степени — звание кандидата Богословия.

Частые беседы молодого студента с умудренным духовным и житейским опытом Епископом Феофаном, который по своим заслугам был отмечен даже в высших сферах, уже в Духовной Академии определили для студента Скородумова путь, идя по которому ему надлежало строить свою жизнь и деятельность.

И. В. Скородумов, студент Санкт-Петербургской Духовной Академии.

3. ПОСТРИГ И ПЕРВЫЕ ШАГИ МОЛОДОГО МОНАХА

И вот, осенью 1912 года молодой кандидат Богословия Иван Васильевич Скородумов из Новгородской губернии пробирается на Волгу, в Рыбинск, а оттуда водным путем в Астрахань, где он до того времени никогда не был, к Владыке Феофану, занимавшему там в то время епископскую кафедру, чтобы от него принять монашеский постриг.

Для предпринимаемого путешествия средства у Скородумова имелись чрезвычайно ограниченные, но билет был оплачен. И когда, ложась спать в последнюю ночь перед прибытием парохода в Астрахань, он подсчитал свои "капиталы", то их у него оказалось всего несколько десятков копеек.

Ночь эту он спал беспокойно, видел во сне, что денег ему хватило в обрез, и что в Астрахани он долго ехал на извозчике до Архиерейского подворья, где, чтобы увидеть Епископа Феофана, пришлось идти по двору и по длинным полутемным коридорам...

Когда на утро, прибыв в Астрахань, он сошел с парохода и пошел нанимать извозчика до подворья, то извозчик спросил с него точно ту сумму, какая осталась у него в кармане. И уже наяву он ехал теми же улицами, ходил по такому же двору и коридорам подворья, которые видел во сне на пароходе...

Монашеский постриг был совершен Епископом Феофаном в день памяти небесного учителя молодого студента — Св. Иоанна Златоустого — 13 (26) ноября 1912 года. Имя молодому монаху было дано в честь совсем недавно, в 1911 году, прославленного Святого Иоасафа Белгородского. И уже 18-го ноября (1-го декабря) того же 1912 года новый монах рукополагается в сан иеродиакона, а через три дня — в сан Иеромонаха.

Вскоре о. Иоасаф назначается Учебным Комитетом Святейшего Синода на должность помощника смотрителя Духовного училища в Яранск Вятской губернии, а 17-го (30-го) декабря 1913 года переводится на такую

же должность в Духовное училище в Полтаву, где Епископскую кафедру занимал в то время Епископ Феофан.

4. ИЗ ЖИЗНИ В ПОЛТАВЕ

О жизни молодого Иеромонаха в Полтаве имеются некоторые воспоминания. Уже в Аргентине привел Господь одной даме, жившей в описывамое время в Полтаве, встретиться и беседовать с Владыкой Иоасафом. Они вспомнили Полтаву, прекрасный большой Собор, в котором служил Владыка Феофан. Когда собеседница упомянула о том, что она хорошо помнит Владыку Феофана и видела, как он, часто больной и слабый, не мог произносить сам своих проповедей и что их читал молодой монах, стоявший всегда рядом с Владыкой, то Архиепископ Иоасаф очень оживился и радостно воскликнул: "Так это же был я!" Да, он всюду пока это было возможно сопровождал своего Авву, своей богатырской силой он помогал немощному архиерею и преданно служил ему во всем.

Архиепископ Феодосий со слов В. А. Коновалова (впоследствии Архимандрита Амвросия) рассказывает о его первой встрече с иеромонахом Иоасафом, произшедшей в доме генеральши Бурман в Полтаве.

В. А. Коновалов, тогда офицер русской армии, отличался глубокой верой и приверженностью к Церкви Христовой. Зная об этом, генеральша Бурман решила познакомить его с иеромонахом Иоасафом, произведшим на нее сильное впечатление во время его проповеди в Соборе. Она пригласила обоих к себе на чашку чая. Первым пришел Коновалов и поинтересовался, кто же такой этот иеромонах, с которым генеральша хочет его познакомить. И когда та ответила, что он говорит обычно проповеди вместо Епископа Феофана и что он кончил Духовную Академию в Петербурге, В. А. Коновалов ответил, что слышал его проповедь и сразу увидел, что проповедник богословски хорошо образован и отлично

владеет русским литературным языком. После знакомства и длительной беседы В. А. убедился, что иеромонах Иоасаф не только образованный, но и духовно воспитанный и хороший проповедник, способный влиять на людские души. Эта встреча произвела на него большое впечатление и, возможно, привела в будущем к миссионерскому пути и принятию монашества.

***

Вспоминая о проповеднических способностях Архиепископа Иоасафа, о. Амвросий рассказывает, что когда Добровольцы заняли Полтаву и нашли расстреленного иеромонаха Нила, казначея Лубенского монастыря, и принесли его тело в монастырь, то его, по поручению Епископа Феофана, встретил иеромонах Иоасаф, после отпевания сказавший такое сильное слово, что оно потрясло присутствовавших.

В очерке "Немноголетний Старец", помещенном в сборнике "Православный Путь", имеются воспоминания о полтавском периоде жизни Владыки Иоасафа, связанные со встречей с В. З., в будущем ставшим священником. Приводятся слова самого Владыки:

— Преосвященный Феофан посоветовал В. З. жить у меня, хотя и предоставлял ему возможность жить в архиерейском доме. Я охотно согласился, и вот мы жили с ним в больничном здании нашего Полтавского Духовного училища, посещая ежедневно службы в архиерейском доме. Жили мы в одной комнате, он был вроде моего келейника, сожителя, собрата мне. Кругом были большевики, занимали весь дом, за исключением нашей комнаты. Мы проходили мимо большевиков, они нас видели и точно не видели. Никто не спрашивал ни о чем ни меня, ни его, чему мы крайне дивились и приписывали милости Божией. Но в конце концов мы принуждены были оставить это помещение. Я поселился в архиерейском доме вместе с другими иеромонахами. А он, "Зиновьевич", как его обыкновенно называли, — в каретнике и жил между каретами, т. к. стали обыскивать архиерейский дом и по чьему-то доносу искали спрятавшегося белогвардейца. И вот, чтобы "не подве-

сти", Зиновьевич, которого и разыскивали, жил между каретами. Ему приносили пищу туда же. Впрочем он иногда выходил оттуда для Богослужения и по другим важным надобностям. И так продолжалось до вступления Добровольцев в Полтаву, то есть около 2-х — 3-х месяцев.

**
*

В статье "Архиепископ Феофан", помещенной в 1953 году в журнале "Православное Слово", Владыка Иоасаф вспоминает:

— Революция застала его в Полтаве. Украинцы арестовали его за то, что он не согласился молиться за самозванную "директорию". Большевики также пытались его арестовать, но Бог хранил его. Они вошли в кабинет, но не заметили его, хотя он сидел за письменным столом: "видя не видели"... (Это, очевидно, относится к тому же периоду, о котором сказано выше в воспоминаниях о "Зиновьиче").

В этой же статье Владыка Иоасаф пишет, что Епископ Феофан вместе с Добровольческой Армией эвакуировался в Таганрог, где был в то время Заграничный Синод. Очевидно и Иеромонах Иоасаф ушел тогда же со своим Аввой вместе с Белой Армией. Надо полагать, что это произошло в начале 1920 года, т. к. в "Куррикулум витэ" Владыки Иоасафа сказано, что 9 (22) декабря 1919 года он был назначен Смотрителем Лубенского Духовного училища, а 19-го апреля (2-го мая) 1920 года был возведен в сан Архимандрита уже в Крыму.

5. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В РОССИИ

Владыка Архиепископ Феодосий вспоминает, что в 1920 году, прибыв из Курской Губернии наместником Херсонийского Монастыря, он встретился в г. Севастополе с Архимандритом Иоасафом. Епископ Вениамин в то время был Настоятелем Херсонийского Монастыря и также занимал должность Управляющего Военным и Морским Духовенством. Он создал для фронта Белой Армии кадр в 12 проповедников, в числе которых состоял и Архимандрит Иоасаф, который жил в Херсонийском

монастыре вплоть до эвакуации Генерала Врангеля в Константинополь.

В Херсонийский Монастырь прибыл и упоминавшийся выше В. З., который стал сопутствовать Архим. Иоасафу как псаломщик. Они объезжали передовые позиции, где располагались Добровольцы, сначала в Крыму, потом вообще в Таврической губернии, вплоть до местечка Алешки, что на Днепре.

Бывало, служится соборный молебен на плацу, где собрано много воинских частей. — "Ну, кто скажет слово?" — "Пусть уж о. Иоасаф скажет", определяет предстоятельствующий. И говорит молодой Архимандрит горячо, убедительно, ободряя воинов, идущих на борьбу с гонителями Церкви и предателями Родины, говорит звучным сильным голосом, так что и в последних рядах все ясно слышно.

**
*

Богатырский голос был, богатырские были и силы! Вот пример этому.

При Главнокомандующем Генерале Врангеле, в последнюю эвакуацию Белой Армии, Архимандрит Иоасаф покидал Крым вместе с группой Архиереев. Его одного оставили на пристани сторожить весь багаж. Вдруг сообщают, что нужно немедленно грузиться на пароход.

— Думаю, как мне быть? — рассказывает Владыка Иоасаф, — оставить часть багажа опасно, растащут. Не долго думая, решил снести все разом. А чемоданов было 8 штук! Да еще архиерейские с книгами и облачением... Взвалил по два чемодана, связанных ремнями, на каждое плечо и в каждую руку взял по два. Так и дотащил до места погрузки. Бог помог!

Пришли мои Архиереи, спрашивают: — Где багаж? — Уже погружен.

— Кто же отнес? — Да я. — А кто ж помогал? Так и всплеснули руками, когда узнали, как все было... Вот какая сила была, не то что теперь!... Грустно заканчивал свой рассказ Владыка.

Архимандрит Иоасаф на одном из последних пароходов, уходящих в неизвестность, покинул Россию, и начался долгий эмигрантский этап его жизни.

ЭМИГРАЦИЯ В ЕВРОПЕ

ЮГОСЛАВИЯ

(1920-1929)

6. КОНСТАНТИНОПОЛЬ

В "Куррикулум Витэ" Архиепископа Иоасафа мы видим, что с 1-го декабря 1920 года по февраль 1921 года он обслуживал по назначению Епископа Армии Преосвященного Вениамина военные госпитали в Константинополе.

О жизни и деятельности Архиепископа Иоасафа в Константинополе почти нет сведений, кроме нескольких скупых воспоминаний и данных из "Куррикулум Витэ" Владыки.

***

Архиепископ Феодосий вспоминает, что он и жившие с ним в Херсонийском Монастыре Архимандриты о. Иоасаф и о. Симон эвакуировались вместе в Константинополь.

Там обоих Архимандритов нашел В. А. Коновалов, впоследствии Архимандрит Амвросий, о котором мы уже упоминали, и устроил их в общежитие № 8 в Стамбуле, где они жили в комнате В. А., бывшего тогда помощником коменданта этого общежития.

Там они прожили до тех пор, пока все трое Архимандрита не отбыли совместно с Митрополитом Анастасием в Югославию.

7. ЮГОСЛАВИЯ
МОНАСТЫРЬ ВРАТНА

В "Куррикулум Витэ" Владыки Иоасафа сказано:

14. Пребывал в Монастыре Вратна (Сербия) в качестве собрата и духовника в 1921-1922 г.г.

15. Назначен Заграничным Синодом на должность Настоятеля Православной Общины и законоучителем в Гимназии в Ерцегнови (Далмация — Сербия) 13-го февраля 1922 года.

16. Состоял на должности Директора той же гимназии, законоучителем и преподавателем истории и географии с 1924 по май 1925 года.

17. Состоял законоучителем в кадетском Донском

Императора Александра Третьего Корпусе в Билече и Горажде (Сербия) с июня 1925 года по 1-е сентября 1929 года.

Об этом восьмилетнем периоде жизни Архиепископа Иоасафа имеются письма и воспоминания, многие из которых были в свое время опубликованы в нашей прессе.

***

По воспоминаниям Архиепископа Феодосия все три, тогда еще Архимандрита, — он, о. Иоасаф и о. Симон, прибыв в Югославию, получили от Епископа Иринея монастырь Вратна. По "Куррикулум Витэ" Владыки Иоасафа это было в 1921 году.

— В этом монастыре никого из монашествующих не было, — говорит Архиепископ Феодосий. "Нам для духовного окормления выделили одно село, прилегающее к монастырю, говорившее на румынском языке, а затем целый приход, отстоявший от нашего монастыря в 16 км. Нам пришлось завести уставное Богослужение и всем троим исполнять все обязанности, касающиеся насельников монастыря, ибо, кроме нас, никого в монастыре не было. Один сторож был. Сами служили, сами прислуживали, сами готовили себе пищу. Впоследствии к нам прибыл один семьянин и жил в качестве трудника.

Совместная наша жизнь продолжалась недолго: о. Симон получил место в одном приходе под названием Райяц; я отправился в качестве настоятеля в монастырь Св. Богородицы в Македонию, не далеко от города Прилепа, а о. Иоасаф ушел преподавателем".

***

8. ГИМНАЗИЯ В ГЕРЦЕГОВИНЕ

Выдержка из письма одной учительницы, работавшей с Владыкой Иоасафом в русской гимназии в г. Ерцегнови, в Далмации (Катарская Бухта).

— Наши пароходы шли из Севастополя и остановились в Ерцегнови, в Далмации. Каким райским угол-

ком показался нам этот маленький городок, расположенный у самого входа в Катарскую Бухту. После грязных темных трюмов — пальмы, лимоны, апельсины и розы, розы всюду... Народ приветливый, многие говорят по-русски..

Первой нашей заботой были дети: надо, чтобы дети учились по-русски. Собрали учебники и открыли школу. Бедность была во всем: и в помещении и в учебных пособиях. Но зато мы были богаты бодростью и надеждой. Была радость, что мы вырвались благополучно из большевицкого ада и что главные беды окончились.

И вот в эту обстановку бедности и богатства влилась новая благодатная сила. Был у нас при открытии школы короткое время законоучитель, но он скоро уехал... Мы остались без священника... Погоревали... Но Господь не оставил нас: приехал Владыка Феофан и с ним Архимандрит Иоасаф, который и стал законоучителем нашей школы, развернувшейся вскоре в восьмиклассную гимназию

Так, в один воистину прекрасный день к нам пришел скромный тихий священник и сразу озарил нас светом своих необыкновенных голубых глаз. Такие глаза встречаются редко: в них нет блеска и нежности, но есть свет — тихий свет вечерний. Этим светом и озарял нас о. Иоасаф во время своего пребывания с нами. Дети ли расшалятся, поспорим ли мы, преподаватели, но придет о. Иоасаф, благословит, и все проходит, и опять наступает мир и тишина. Был о. Иоасаф небольшого роста, худенький, с изумительно красивым, иконописным лицом, даже не лицом, а ликом.

Жил о. Иоасаф небогато, как и все мы. Но скоро мы узнали, что он беднее нас всех. Дело было так: вижу я, что ряска его старенькая, да и не первой свежести, и мы с Таней Б. осмелились попросить о. Иоасафа дать ее нам постирать, сказав, что она за ночь высохнет. А он нам своим окающим северным говорком и отвечает: "А чем же я укрываться ночью буду, ведь ночи-то холодные"... Должно быть, лица у нас были очень растерянные, потому что он с улыбкой, этакой ласковой, добавил: "ведь одеяла-то у меня нет"... И никто об этом не знал! А

дело было уже осенью, и хотя в Ерцегнови зимы не бывает, но ночи стоят очень холодные. Конечно, мы сразу же достали ему одеяло, и он, очевидно по молодости, как-то смутился“...

9. ДОНСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III В ГОРАЖДЕ

А вот воспоминания бывшего кадета — ”Церковника“ — воспитанника Архимандрита Иоасафа в Кадетском Донском Императора Александра Третьего Корпусе в Сербии. В этих воспоминаниях автор называет Архимандрита Иоасафа Батюшкой, так же названа и статья, из которой приводятся воспоминания.

...”Батюшка с отеческой любовью и заботливостью пригрел и обласкал нас в пору нашего перелома между отрочеством и юностью, когда особенно нам, заброшенным и одиноким, в обстановке кадетской жизни нужны были и тепло, и ласка, и любовь. Это тепло и любовь, которые он дарил нам, были одновременно и матерински нежными и монашески суровыми. Его суровость была замкнутая, оставленная для себя, как бы броня между ”Я“ и миром. Она являлась результатом строгой монашеской жизни, но всегда, как снег от солнца, готова была растаять под лучами его улыбки. Улыбка Батюшки, сразу озарявшая его казавшееся суровым лицо, с глубокой складкой между бровями и обычно опущенными ресницами, лицо которого побаивались кадеты, эта улыбка широко открывала доступ к его внутреннему ”Я“, где доброта была основным свойством...

Батюшка сменил уехавшего в Париж Епископа Вениамина. Он появился как-то незаметно, хотя в жизни Корпуса, находившегося в горах Герцеговины, всякое, даже маленькое событие вызывало большой интерес и много пересудов.

Очень скоро Батюшка вошел в корпусную жизнь и собрал вокруг себя группу кадет ”Церковников“. Раньше так называли кадет, прислуживавших в Церкви во время Богослужений. Но **”Церковники“ Батюшки** были

уже новым явлением в Корпусе. Это был как бы маленький монастырь.

Каждый день в корпусной Церкви совершались Богослужения. Вечером между обедом и вечерними занятиями (так называлось время, положенное для приготовления заданных уроков) служилась вечерня и утреня. Группа кадет из Церковников каждодневно посещали эти Богослужения, — читали и пели на клиросе. Мы очень любили эти будничные Богослужения за их простоту и строгость, стараясь в то же время воскресным и праздничным службам придать бо́льшую торжественность: заботились об облачениях, чистоте храма, своими руками сделали Батюшке две митры, следили за возможной пышностью всех выходов и крестных ходов и очень любили устраивать "встречу", пользуясь тем, что при корпусе был о. дьякон.

Батюшка, кроме встречи и слишком большой заботы о его облачении, во все входил сам, обсуждая с нами все до мельчайших подробностей. Много он уделял внимания звону, обучая нас, как нужно звонить. Колоколов, конечно, по бедности не было, их заменяли рельсы и баллоны от кислорода, но гамма подобрана была хорошо, и звон получался мелодичный. В будние дни Батюшка любил звонить сам, поражая нас своим искусством.

За каждым воскресным и праздничным Богослужением Батюшка произносил проповедь. Проповедник он был особенный. Его нельзя было назвать красноречивым, но содержательность, глубокая вера и горячая настойчивость звучали всегда в его словах, которые доходили до сердца. В служении, как и во всей жизни, Батюшка был прост, хотя в торжественные дни не избегал пышности, правда, под нашим — Церковников — давлением. С регентом, большим театралом, столпом нашего корпусного театра, Батюшка иногда пререкался, стараясь не допускать вольности в Богослужении и избегая дешевых эффектов. Это были легкие царапины, которые сразу же сглаживались.

Но кто наносил Батюшке тяжелые раны — это был директор, отдавая распоряжения сократить Богослужение и без того урезанное. Вернувшись после такого не-

приятного разговора к себе, Батюшка шагал по келии и сердито говорил, ни к кому не обращаясь, что "они" готовы и все самое существенное выкинуть из Богослужения, а когда дело доходит до "киянтера", так находятся и время и возможности. Кончал же тем, что приказывал принести богослужебные книги и, сердито указывая пальцем, говорил очередному чтецу: "Это пропустишь... здесь читай до сих пор... Вот как будем теперь Богу молиться!" — кончал он с сокрушением свои указания

Батюшка в период своего пребывания в Корпусе совсем отказался от прав на собственность, следуя монашескому обету, и его келья со всем находившимся в ней, была достоянием Церковников. Там проводили мы все свободные часы, независимо от присутствия в ней хозяина. В келии было всегда опрятно. Зимой в ней не было холодно, хотя Батюшка не топил, а только в морозы слегка подтапливал. Кроме икон, не было никаких украшений. Кровать узкая и жесткая, без простынь. Батюшка спал в подряснике. Когда Батюшка начал заниматься живописью и иконописью, то появился мольберт, который занял центральную часть у окна.

Входили мы к Батюшке без стука, по молитве, как в монастыре, на "Аминь". Войдя, крестились на иконы и подходили под благословение. Батюшка обычно не поворачивал головы, чтобы посмотреть на вошедшего и только, когда у него просили благословения, поднимал голову от работы и говорил: "А, это ты" и называл по имени, после чего благословлял широко, иногда касаясь лба и плеч. Старшие кадеты часто приходили к Батюшке и вечером после ужина вели с ним продолжительные беседы. Такие вечерние беседы чаще бывали во время каникул. Сам Батюшка любил заходить в третью сотню (к кадетам младшего возраста), когда они уже готовились ко сну, садился к кому-нибудь на кровать и рассказывал им что-либо из жития святых или просто занятные истории.

Преподавательская деятельность отнимала не мало времени и сил. Батюшка был учитель строгий, но справедливый и, когда нужно, снисходительный. Очень его огорчали неуместные вопросы и споры, которые выво-

дили его из себя, и тогда он с сокрушением говорил: "Еретик".

Время, не посвященное кадетам, Батюшка проводил в чтении, живописи и рыбной ловле. Читал он много, приобретая всюду, где можно было, духовные книги и старался к этому приучить и нас. Живописью он начал заниматься в Корпусе под влиянием преподавателя рисования художника М. М. Хрисагонова. У Батюшки с ним установились самые дружеские отношения, которые он сохранил до конца жизни, переписываясь с М. М. Оба большие любители природы, они со складными мольбертами отправлялись в горы или на берег реки Дрины писать этюды, проводя время в занимательной беседе.

Замечательно, что Мих. Мих., человек интересный, начитанный, любознательно заглянувший в самые разнообразные отрасли человеческого знания, совершенно не был церковным человеком, а в некоторых богословских вопросах оставался при своем, иногда довольно свободном мнении, никогда не навязывал его другим и не стремясь к распространению своих взглядов, что и мирило Батюшку с этим недостатком.

Батюшка проводил время на Дрине не только с Михаилом Мих.. Нередко, захватив удочки, вместе с о. дьяконом ходил Батюшка на рыбную ловлю. Отец дьякон был страстным рыболовом и проводил все свободное время на реке. Рыбная ловля служила Батюшке отдыхом и успокоением, уловом он не интересовался, раздавая его. Для о. дьякона же это служило подспорьем к его небольшому содержанию корпусного писаря. Часы же, проведенные на берегу горной голубой Дрины, протекающей в довольно широкой равнине среди гор, покрытых лесом, давали Батюшке утешение в тех скорбях, которых немало было в на вид тихой корпусной жизни.

Любил Батюшка и далекие прогулки — экскурсии, продолжавшиеся два-три дня. На такие прогулки брал он и нас с собой. Это были замечательные дни, и мы, приглашенные, были счастливы, когда, запасшись продуктами из корпусной кладовой, с котомками за плечами отправлялись в далекий путь. Местные монастыри,

часто полуразрушенные и опустевшие, в которых жили по два, а то и по одному монаху, служили целью наших путешествий. В этих монастырях и в местечках по дороге, где были церкви, Батюшка с разрешения настоятелей, а иногда и вместе с ними совершал Богослужения. По дороге Батюшка вел с нами беседы, которые можно было бы назвать народным богословским факультетом. Эти прогулки служили нам, воспитанникам закрытого учебного заведения, и для знакомства с людьми. И, главное, помогали познанию и восприятию нами красоты мира как естественного откровения и через него — величия и милости Творца, даровавшего нам эту красоту.

Через много лет, вспоминая эти прогулки, вспоминая Батюшку где-нибудь на перевале, с которого открывается вид на долину, на горы, убегающие к горизонту и теряющиеся в голубовато-лиловой дымке, я вижу его, как живого, любующегося этим видом, впитывающего его в себя. Его лицо улыбается светлой улыбкой, глаза сияют, набегающий ветерок развевает его волосы, выбивающиеся из-под скуфьи и рассыпанные по плечам. А он произносит обычно с непередаваемым чувством умиления:

— Красота-то какая, чудны дела Твои, Господи!.

10. СВИДЕТЕЛЬСТВА ХУДОЖНИКА М. М. ХРИСАГОНОВА ОБ АРХИМАНДРИТЕ ИОАСАФЕ И ЧУДЕСАХ, СОВЕРШИВШИХСЯ ПО ЕГО МОЛИТВАМ

Статья "Батюшка" вызвала отклик со стороны художника М. М. Хрисагонова, приславшего письмо из Каракаса (Венецуэла), датированное 18-м марта 1960 года. Вот выдержки из этого письма:

— Дорогой автор "Батюшки", Вы нарисовали такой яркий и правдивый облик близкого нам всем "Отца Иоасафа", так описали природу Горажды, подчеркнули нашу жизнь в ней, что воспоминания невозвратного наверное всплывут не только у меня, но и у всех наших

товарищей по Корпусу, кому попадет в руки Ваша интересная статья, и, конечно, больше всего кто пережил там "детство, отрочество и юность", всегда связанные с лучшими воспоминаниями прошлого...

Кстати, позвольте несколько уточнить и нашу дружбу с Владыкой. Признаюсь Вам, что Владыка был первый, у которого я снова исповедывался после долгого перерыва... Дружба наша покоилась не только на действительно дивных прогулках с ящиками красок и мольбертами по горам и беседах на разные интересные темы, но главным образом на вере в Господа Бога, вере в чудеса и промысел Господень. При всяком разборе какого-либо вопроса это обстоятельство чувствовалось взаимно. Владыка Иоасаф был действительно подвижник!

Открою Вам и те чудеса, которые совершались по молитве Владыки.

Однажды в Храм принесли на носилках старуху мусульманку. Владыка спросил, верует ли она в Христа и молитву его? Как известно, мусульмане почитают Иисуса Христа как пророка. Когда женщина ответила, что верует, Владыка совершил молитву, а мусульманка встала затем с носилок и возвратилась домой самостоятельно.

Таких случаев было в Горажде у Владыки несколько, но он не любил, да и не смел бы по своей кротости рассказывать об этом кому-либо. Только когда уже он был Епископом, а я в это время рисовал портрет Митрополита Антония в Сремских Карловцах, я рассказал Митрополиту несколько случаев исцеления по молитве Владыки Иоасафа.

Трогательно было видеть, как от полноты чувств Владыка Антоний залился горячими слезами, промолвив: "Есть еще верующие люди на свете!" ... Плакал и я вместе с ним от умиления чувств и веры Владыки Антония.

11. ПРИГЛАШЕНИЕ В КАНАДУ И ХИРОТОНИЯ ВО ЕПИСКОПА В БЕЛГРАДЕ

В своих воспоминаниях Архиепископ Феодосий и Архимандрит Амвросий рассказывают, что соборно мы-

слящая группа верующих решила открыть в Канаде в Монреале приход и по назначению Преосвященного Аполлинария пригласила настоятелем этого прихода Архимандрита Иоасафа. Но визу для него удалось получить только через два года, и в 1929 году Архимандрит Иоасаф прибыл в Нью Иорк, а оттуда в декабре того же года приехал в Монреаль. Но т. к. не все документы были надлежаще по мнению канадского правительства оформлены, ему пришлось возвратиться в Нью Иорк и пробыть там более двух месяцев. Прибыв вторично в Канаду 6 (19) февраля 1930 года, Архимандрит Иоасаф должен был в сентябре того же года выехать по вызову Синода в Югославию для хиротонии во Епископа.

Еще до хиротонии определением заграничного Синода Архимандрит Иоасаф был 29 мая (11июня) 1930 года назначен Епископом Монреальским.

Хиротония состоялась 29 сентября (12 октября) 1930 года в Белграде. Приводим описание ее из "Церковного Вестника" № 114 за 1930 год.

ХИРОТОНИЯ ЕПИСКОПА ИОАСАФА

В воскресенье 12 октября 1930 года в Русской церкви в городе Белграде при громадном стечении духовенства и мирян состоялась торжественная хиротония Архимандрита Иоасафа во Епископа Монреальского. Накануне в 5 часов вечера состоялось наречение, во время которого нарекаемый сказал речь. Самый чин наречения совершили три Архиерея: Владыка Митрополит Антоний, Архиепископ Гермоген и Епископ Митрофан в присутствии многочисленного духовенства и мирян.

Литургию на другой день совершал Владыка Митрополит Антоний при большом Соборе, в который входили: указанные Владыки, Архимандрит Кирик, Архимандрит Феодосий, Протоиерей о. П. Беловидов, Протоиерей о. Ф. Синькевич, Игумены о. Амвросий, о. Феодосий, Иеромонахи о. Серафим, о. Антоний при Протодиаконе Байздренко и Иеродиаконах Мильковского монастыря о. Луки, о. Зосимы и о. Саввы (Струве). Во время Литургии состоялась самая хиротония, во время которой с особой выразительностью нарекаемый Епи-

скоп произнес исповедание веры и клятву верности Архиерейскому Синоду Заграницей.

Во время этого же Богослужения был рукоположен в Иеромонахи Иеродиакон о. Савва (Струве), а затем новый Епископ Иоасаф рукоположил в диаконы. Богослужение отличалось великой торжественностью и высоким молитвенным настроением. При вручении жезла новому Епископу Владыка Митрополит сказал глубоконазидательное слово, в котором указал на трудный характер службы Епископа Иоасафа в Америке и на личные высокие качества нового Епископа.

После Богослужения состоялась трапеза для духовенства, устроенная Епископом Иоасафом. Во время этой трапезы не говорилось речей, но присутствовавшие с любовью обменивались мнениями о личных качествах нового Епископа. Мильковские монахи указывали, что характерной чертой нового Епископа является задушевная простота и близость к народу. Они рассказывали, как в монастыре в Мильково, куда Архимандрит Иоасаф приезжал на лето в каникулярное время, отправляясь на рыбную ловлю, ему давали самую тяжелую задачу — держать невод одному в то время, как другой канат тянули три человека. В пылу работы заслуженному ученому Архимандриту кричали: сильнее тащи канат, поворачивай в сторону и т. д. Все это Архимандрит с усердием смиренно выполнял. Поучения же его в Храме раскрывали к нему сердца людей.

Слыша эти рассказы, думалось, что в Америке, где рассеяно много русских людей, где Церковь раздирается различными акулами, Епископу Иоасафу придется держать натянутый канат русской церковной и общественной жизни не только за троих, но быть может за десятерых. Видя спокойное одухотворенное лицо Епископа Иоасафа, никто не сомневался, что "канат" дан в надежные руки.

После трапезы в квартире Владыки Антония Преосвященному Иоасафу был поднесен от монашествующей братии богослужебный жезл, причем Архимандрит о. Феодосий произнес краткую, но очень прочувственную речь.

РЕЧЬ ЕПИСКОПА ИОАСАФА ПРИ НАРЕЧЕНИИ (в сокращенном виде)

Два вопроса особенно занимали меня в жизни.

Первый — это исследование путей милости Божией. Наблюдал я неизреченную милость Божию прежде всего в богато одаренной природе и объяснял я себе это тем, что природа подчиняется неотвратимым законам естества.

Стал я наблюдать человеческую жизнь; и даже там, где свободная воля обращалась ко злу, я всегда находил милость Божию.

Тогда я решил обратиться к тому, что есть самое грешное, самое худое, и обратился к своему сердцу, к своей внутренней жизни. Казалось, здесь нет места для милости Божией, потому что здесь нет ничего доброго. Но и здесь я обнаружил милость Божию и вспомнил я слова Псалмопевца: "Господи, камо иду от Духа Твоего и от Лица Твоего камо бежу; аще взыду на небо, — Ты тамо еси, аще сниду во ад, — Ты тамо еси".

Тогда я окончательно убедился, что милость Божия к человеку беспредельна и безгранична.

Второй вопрос, который я стремился решить, — скоро ли наступит Страшный Суд. По признакам во внешней природе, по состоянию человечества, наконец, по себе самом я чувствовал, что время близко, что нужно спешить совершать Божие дело и осуществлять проповедь Его Царствия.

И вот, стоя здесь на пороге своего нового епископского служения, я задаю себе вопрос, — что же, опять надо мной изливается беспредельная, безграничная милость Божия и думаю: "Господи, ослаби ми волны благодати Твоея".

Если Господь хочет меня, грешного, наказать и дарует мне благодать епископского служения для того, чтобы сильнее с меня потом взыскать, — приемлю, да будет Его Святая воля. Если Господь желает через меня, недостойного, принести добро другим людям и ввести их в Свое Царствие, — приемлю и ничто же возражаю. Если Господь усмотрел во мне что-либо доброе и награждает меня епископским жребием для спасения мо-

ей души и душ верных — благодарю милосердного Господа и смиренно приемлю Его великую милость.

Все же, боголюбезные архипастыри и весь священный Собор и благочестивые миряне, прошу помолиться обо мне, да сделает Господь меня достойным даруемой мне благодати епископского служения.

РЕЧЬ ВЛАДЫКИ МИТРОПОЛИТА ПРИ ВРУЧЕНИИ ЖЕЗЛА НОВОМУ ЕПИСКОПУ

— Ты, конечно, знаешь сегодняшнее Евангельское учение о ловле рыбы учениками Господа. Улов рыбы дался им не сразу, они трудились всю ночь и ничего не поймали. Но затем Господь научил их погрузить сеть на правую сторону корабля, и, покорившись воле Божией, они поймали такое множество рыбы, что корабль их начал тонуть.

Послушание воле Божией должно быть главной добродетелью церковного деятеля, и только при этих условиях будет надежным улов церковных сетей. Ты всегда отличался глубокой преданностью Церкви и идешь в ту страну, где давно забыли о Боге и где почти все добрые дела проистекают от гордыни, которая если и благодетельствует кого-либо, то его унижает. Так Достоевский изобразил ростовщика, который, желая облагодетельствовать бедную девушку, женился на ней, но довел ее до того своим высокомерием, что она с образом в руках бросилась из окна и разбилась насмерть.

Вот этого духа гордыни, которым пропитана Америка и Европа, у нас в России совершенно не было, наш народ не знал, что значит "благородная гордость", понимая, что существует только дьявольская гордость. Ты свободен от этого порока, но идешь к людям, которые уже давно живут в понятиях, ничего общего не имеющих с Христианством. Неси же им учение смирения, прими сей жезл как жезл благоволения и, благословляя предстоящий народ, перенесись мысленно к возлюбившей тебя пастве.

— ЭМИГРАЦИЯ —

В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

КАНАДА

(1929-1951)

12. ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ В КАНАДЕ
13. О ДВАДЦАТИЛЕТНИХ ЖЕРТВЕННЫХ ТРУДАХ ВЛАДЫКИ В КАНАДЕ
14. РАССКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИЗНИ ВЛАДЫКИ В КАНАДЕ

Приехавшего после Хиротонии Епископа Иоасафа на пристани города Монреаля встречает около ста человек. С пристани Владыка сразу проследовал в Храм, где был также торжественно встречен священником о. А. Цуглевичем и многочисленными молящимися. Отец А. Цуглевич сказал прекрасное приветственное слово, и был совершен благодарственный молебен о благополучном возвращении Владыки. Он поделился своими впечатлениями о поездке по Европе, о пребывании в Карпатской Руси, где он рукополагал во священники и иеромонахи.

**
*

12. ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ В КАНАДЕ

Миссионер Канады В. А. Коновалов (впоследствии Архимандрит Амвросий) и Протодиакон о. Василий Карклинс (последний со слов Владыки) вспоминают о первом десятилетии пребывания Владыки Иоасафа в Канаде.

С прибытием в Канаду Епископ Иоасаф вступил на новый тернистый путь служения Церкви Христовой, которая тогда особенно сильно раздиралась враждующими юрисдикциями. Многие, даже Епископы, клеветали на Владыку Иоасафа и препятствовали его святым трудам. Новая Епархия не имела никакого материального имущества и обеспечения, ни одного организованного Прихода. При таких условиях надо было твердой рукой вести корабль Церкви Христовой к тихой пристани не только среди бушующих волн житейских, но и среди моря лжи и клеветы. И вел его Владыка Иоасаф ничтоже сумняшеся и не устрашился сильных мира сего.

Владыка пережил много лишений и невзгод. Он не получал никакого жалования и жил на доброхотные пожертвования. Но никогда никто не видел его обеспокоенным о завтрашнем дне, и всегда он был весел, добродушен и жизнерадостен. По слову Св. Апостола: "Ничего не имуща, вся содержаща". А что это так, видно из того, что было сделано Владыкой Иоасафом уже за первые 10 лет его епископства в Канаде.

К концу этого периода Владыка окормлял уже около 40 приходов, открыл скит в провинции Альберта.

Один богомолец купил 3 акра земли с 2-хэтажным домом, в котором внизу был устроен Храм, а наверху покои Епископа. Потом сам Владыка купил рядом 80 акров земли и соорудил все необходимые для скита постройки и прекрасный деревянный Храм. В скиту могут жить 10 - 12 человек монахов. Он зарегистрирован в Парламенте как Скит во имя Покрова Божией Матери. В городе Эдмонтоне Владыка создал подворье: наверху Храм, под ним прекрасный зал и 5 жилых комнат. На прилегающем участке земли имеются гараж, большой сад и огород.

На севере провинции Альберта в 1939 году Владыка Иоасаф на 120-ти акрах купленной им земли создал мужской монастырь во имя Преп. Серафима Саровского при огромном богатом рыбой озере, который тоже зарегистрирован в Парламенте.

И все это было сделано из ничего: путем личного труда и изыскания пожертвований, которые, благодаря обаянию, простоте и высокой духовности Владыки Иоасафа, с радостью вручались в его руки верующими, знающими, что их жертва не пропадет напрасно.

Владыка с горячей верой и энтузиазмом, вдохновлявшими его последователей, сам в скиту и монастыре выкорчевывал пни, очищал площади под огород и сад, копал грядки, садил овощи и деревья, носил воду и поливал, затем полол огород и собирал урожай, заботился об отоплении, заготовляя дрова на зиму, не говоря, конечно, об основной работе, где он был первым, — о постройке храмов и всевозможных хозяйственных и жилых помещений.

Таким образом он оставил живую вещественную о себе память. Недаром его назвали впоследствии "Просветителем Канады" И это было поистине так . . .

13. О ДВАДЦАТИЛЕТНИХ ЖЕРТВЕННЫХ ТРУДАХ ВЛАДЫКИ В КАНАДЕ

Двадцать лет, проведенные в Канаде, были сплошным трудом духовным и физическим. Нужно было восстанавливать Православие, заглохшее в тех краях. При-

ходилось наново создавать приходы и общины; бороться с оппозицией; часто создавать Храмы и монастырские скиты собственными руками. Не один Храм был полностью оборудован самим Владыкой, и иконы очень часто писал он сам. Про одну из скитских церквей Владыку спрашивали, кто же ее строил? — Да нас четверо: о. Илья да я, я да о. Илья, — весело смеясь, отвечал Владыка.

***

Наблюдая дело и труды Владыки Иоасафа в Западной Канаде, Архиепископ Виталий образно назвал скит Владыки "Сергиевской пустыней", а миссионер Канады В. А. Коновалов, во время своего объезда Канады подъезжая к этому скиту, дальше развивает ту же мысль.

— Когда я подъезжал к этому скиту, то мне представилось, что я подъезжаю к скиту Оптинской Пустыни, ибо я, по милости Божией, часто бывал в Оптинской Пустыни и неуклонно посещал ее скит и Старцев. Маленький новый сосновый храм с голубым куполом, кругом видны монастырские постройки. Когда я вошел в храм, то меня поразила чистота и уют его. Весь пол храма покрыт линолеумом, стены обтянуты фанерой, прекрасный иконостас, вместительный алтарь, и все обставлено в духе обители... Нет здесь золота и серебра. Но здесь витает и живет монашеский дух. Дальше келия Епископа Иоасафа — деревянная, сосновая, новая изба в старом русском стиле, такая же простая обстановка, соответствующая монаху — подвижнику, затворнику. Дом для братии двухэтажный, тоже деревянный сосновый, с 8-ю комнатами на 8-10 человек — иноков, иконописная и все нужные монастырские службы.

Это в скиту при всеми отмечаемой материальной стесненности и даже бедности. То же в епархиальном городе Эдмонтоне в подворье Епископа Иоасафа.

Храм на подворье прекрасный. При храме имеется жилое помещение в 5 комнат, из которых Епископ занимает три: 1-я малая комната — библиотека Епископа; 2-я комната побольше — кабинет и спальня одновременно и 3-я — иконописная, где Владыка, как иконописец и художник, сам пишет иконы. Для приема по-

Канада. Владыка Иоасаф за работой.

сетителей имеется еще приемный зал и комната-кухня для жительства диакона и келейника.

Так, из ничего, из бедности с одной Божией помощью в далекой Канаде, напоминающей нашу временно утраченную Родину, трудами и ревностью подвижника Епископа создается очаг нашего Святого Православия...

* * *

В воспоминаниях М. Г. и Б. П. встает все та же благостная самоотверженная фигура Епископа-Подвижника Иоасафа, истинного просветителя Канады. Поражает его борьба, временами героическая при отстаивании прав нашей Зарубежной Церкви в тех краях; удивляют его лишения, бесконечные моральные и физические труды в процессе воссоздания церковно-религиозной жизни среди старожилов — выходцев из России, к тому времени одичавших духовно за многие годы жизни без пастырского окормления. Эти люди, с которыми Владыке приходилось сталкиваться, были главным образом переселенцы с Волыни, часто прокоммунистического настроения и подчас не оказывавшие должного внимания и уважения своему Правящему Архиерею. Но, несмотря ни на что, Владыка Иоасаф безленостно и безропотно трудился на Ниве Господней. Много нужно было иметь ангельского незлобия, терпения и любви к человеку, чтобы наставлять и учить людей распознавать и отличать добро от зла, которым так переполнен современный мир, богоотступнический и богоборческий.

Для этой цели Владыка путешествовал вдоль и поперек всей Канады и поездом, и на подводе, а то и пешком... Куда ни попадет, всюду крестит и детей, и взрослых, венчает, отпевает, устраивает Богослужения и неустанно наставляет, проповедует иногда по нескольку раз в день...

14. РАССКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИЗНИ ВЛАДЫКИ В КАНАДЕ

В памяти людей, знавших Владыку Иоасафа, сохранилось несколько случаев из жизни его в Канаде, рас-

сказанных им самим уже в Аргентине или сообщенных его почитателями из Канады. Владыка не любил вспоминать грустных, тяжелых происшествий, поэтому почти все, известное нам, носит жизнерадостную, даже юмористическую окраску, что соответствует доброму, радостному характеру нашего Архипастыря. Вот некоторые из них.

"Приезжаю я однажды на одну из станций железной дороги, где должна меня ждать подвода, чтобы на ней продолжать дальнейший путь", рассказывает Владыка со свойственной ему веселостью. "Вижу ходит невдалеке этакий наш мужичок и внимательно посматривает в мою сторону. Потом не торопясь, подходит ко мне и спрашивает: -- Часом не вы будете Владыка Иосафаний?

"Да, я", отвечаю, догадываясь о ком идет речь. "А что такое?"

"Та я на Вас вже давно чекаю, ходимте!" и ведет меня к своим лошадям, которых оставил чуть ли не за полверсты от станции.

Идем. Разговариваем. А у меня в руках два чемодана с облачением и книгами да еще кожаная сумка через плечо.

— Послушай-ка, брат, — не выдерживаю я, — не можешь ли ты помочь мне нести чемоданы?

— Чому ни, — спокойно отвечает он и берет у меня один из моих чемоданов.

В приходы, которых к концу пребывания Владыки в Канаде было около шестидесяти, он приезжал не по вызову, не за вознаграждение, а когда ему было удобнее, часто без предупреждения и иногда гостил по неделям. Однажды его пригласил приход в г. Соскачевань. Когда он приехал на железнодорожную станцию, отстоявшую от прихода в 40 милях, то его никто не встретил. Не долго думая, он взвалил чемоданы на плечо и пошел пешком....

***

Вскоре после своего приезда в Аргентину, увидев полные молящимися храмы, что на Владыку произвело самое отрадное впечатление, он невольно заметил: — там, в Канаде, я никогда такого не видывал. Напротив, часто случалось так, что служишь, бывало, Божественную Литургию в воскресный день или в двунадесятый праздник, а в церкви из молящихся никого, кроме одной набожной старушки. И на возглас "мир всем" повернешься, бывало, и скажешь: "Мир тебе, Авдотья", а та отвечает: "и духови твоему"....

**
*

— Нередко по-скитски приходилось служить, — рассказывает Владыка, — скажешь, например, целиком великую или просительную ектению, а затем пропоешь 12 раз "Господи, помилуй". Приходилось самому все делать: и свечи зажигать, и кадило раздувать, и даже часы читать". Просфоры Владыка обычно пек сам.

**
*

У Владыки Иоасафа не было и тени малейшего честолюбия. Владыка всегда придерживался такого мнения, что монах не должен не только искать, но даже желать каких бы то ни было отличий, наград или повышения. Поэтому, когда 16 (29) октября 1945 года по настоянию Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви Владыка был возведен в сан Архиепископа, то он полушутя — полусерьезно заметил: — Зачем мне это? Я и без того не уйду в другую юрисдикцию...

**
*

Владыка, как младенец, был незлоблив и чист сердцем, и Господь слышал его молитвы.

Так, в бытность его в Канаде, когда велась церковная борьба с отщепенцами так наз. американской юрисдикции — Митрополии, с которыми покойному Владыке пришлось не мало повоевать, отстаивая паству и правоту Зарубежной Церкви, одно лето стояла сильная

засуха, грозившая неурожаем. Духовенство Американской Митрополии неоднократно совершало крестные ходы и служило водосвятные молебны на полях, но тщетно, — дождя не было.

После этого, по просьбе своих прихожан, верных Зарубежному Архиерейскому Синоду, Владыка Иоасаф тоже совершил водосвятный молебен в поле, прося, чтобы Господь ниспослал дождь на землю. И, о чудо! Не успели молящиеся добраться до дома хозяина, богатого фермера, на чьем поле совершался молебен, как полил сильный проливной дождь. "А что, православные", уже во время общей трапезы восторженно и весело спрашивал Владыка, "наша взяла! Теперь видите на чьей стороне правда и истина!"

По своему смирению, Владыка приписывал совершившееся чудо вере и молитве своих пасомых...

***

У Владыки было правило — никогда никаких съестных припасов в дорогу не брать, не есть и не пить до тех пор, пока не доберется до места назначения.

Случилось однажды Владыке Иоасафу ехать по железной дороге из Эдмонтона в Сан-Франциско. Дорога длилась трое суток.

— Примостился я поудобнее у окна, — не без юмора рассказывает Владыка, — да так все трое суток и просидел, не вставая с места. Сижу себе и любуюсь, как спешат навстречу быстро бегущему поезду зеленеющие поля, леса, селения, хутора фермеров... А сам творю молитву, перебирая четки. И так хорошо и отрадно на душе, что всю жизнь, кажется, просидел бы этак, не покидая вагона.

На третьи сутки я заметил, что проводник вагона, проходя мимо меня, с каким-то любопытством и даже тревогой не раз посматривает в мою сторону. Наконец, он решился завязать со мною какой-то разговор, повидимому предлагая свои услуги. Я ответил, что по-английски не понимаю. После чего он ушел и вскоре вернулся вместе с каким-то незнакомцем.

— Вы, батюшка, может быть русский? — обратил-

ся тот ко мне по-русски с сильно выраженным еврейским акцентом.

— Да, я русский, — ответил я.

— Здравствуйте! — обрадовался он, протягивая мне руку.

— Может быть, Вам, батюшка, что-нибудь нужно? Так Вы скажите. Мы Вам уже все устроим... может быть Вы хотите есть?..

Я поблагодарил его за внимание и наотрез от всего отказался. После этого меня оставили в покое, — смеется Владыка.

**
*

Не хватало священников. Поэтому Владыке и приходилось часто с различными требами самому объезжать свою Епархию. Во время этих поездок, по словам Владыки, ему нередко приходилось встречаться и сталкиваться с вопиющим невежеством в отношении веры и полным церковным одичанием.

— Пригласили меня однажды в семью одного зажиточного фермера, уроженца и переселенца с Волыни, — рассказывает Владыка, — с тем, чтобы совершить таинство бракосочетания.

— Вот завтра, — говорят мне, — и обвенчаете уж Маньку да Ольгу.

Из дальнейших разговоров выясняется, что Ольга, старшая дочь, еще крещенная, а Манька — та уж нет.

— Как же венчать? — спрашиваю я, — прежде надо крестить; а перед тем, как крестить, необходимо подготовить ее и научить Православной вере.

— А как же гости?! — чуть не со слезами просят родители. "Уж лучше бы завтра..."

Я хорошо понимаю их: народ они трудовой, каждый день для них дорог. Если оставить так, — пойдут к сектантам.

— Ну, ладно! — решаю я. — Чистая бочка есть? Тащите ее сюда, наполняйте водой!

До поздней ночи сидит Владыка со всей семьей, беседует, наставляет, излагает вкратце сущность Православной веры, готовит молодую девушку к принятию святого крещения, уже за полночь, чуть ли не с первыми пе-

тухами, крестит ее в приготовленной "Купели", а на другой день утром венчает...

И отправляется дальше. Спешит куда ни позовут, неся людям свет евангельского учения; учил, наставлял, врачевал душевные язвы; присматривался к людям: не найдется ли среди них кандидат для рукоположения в священники.

Так, во время одного из своих пребываний в Ванкувере, встретился Владыка Иоасаф с молодым профессиональным артистом — певцом. Познакомились. Оказалось — бывший семинарист.

— Мне священники нужны, — сказал ему Владыка, — а ты семинарист, а какие-то дурацкие песни поешь.

"Я, слава Богу, внял его словам", вспоминает не так давно скончавшийся о. Александр Знаменский, — бросил петь "дурацкие песни" и принял от Владыки рукоположение".

***

Учительница Анна Эзеринг прислала свои воспоминания о Владыке Иоасафе, выдержку из которых приводим ниже.

... "Владыка Иоасаф был основателем нашего прихода Св. Троицы в г. Виндзор — Онтарио, Канада.

Как наш правящий Архиерей, он время от времени приезжал к нам по делам службы, но иногда проездом в Нью Иорк он также навещал нас.

С его благословения у нас была открыта "Школа русской грамоты", в которой много лет, начиная с 1934 года, мне пришлось заниматься. Вот тогда-то я и увидела во Владыке Иоасафе умного, наблюдательного, прямого по характеру отца духовного, педагога, человека доброй души, любящего детей. Владыка считал долгом каждый раз посетить нашу Школу и не на 5-10 минут, как для отбытия номера, а на все время урока. Он наблюдал за ходом моих занятий, а потом сам обращался к детям с вопросами, экзаменовал их, сам давал им некоторые разъяснения и рассказывал что-либо для детей интересное и шутил с ними.

И нужно было видеть внимание к нему ребят и в эти минуты его добрые ясные глаза. До сих пор эта кар-

тина жива в моих уже старых глазах: это не было "начальство", на уроках присутствовал искренний друг детей. Мы же, старшие, могли смело обращаться к нему с нашими житейскими вопросами и заботами и всегда получали от него прямой, добрый и умный совет".

**
*

Владыка Иоасаф был исключительно интересным собеседником и рассказчиком и охотно принимал участие в обыкновенных разговорах.

Будучи уже в Аргентине, он часто вспоминал и любил рассказывать о ставшей ему родной Канаде, где он провел около 20 лет своей полной трудов и высоких подвигов архипастырской жизни, о стране, которая своей природой и климатом очень напоминала ему наш русский север, откуда сам он был родом.

Если разговор велся у него на подворье, то он любил сопровождать свои увлекательные рассказы так называемыми "иллюстрациями" — бесчисленными любительскими фотографическими снимками, которые он привез с собой как воспоминания о Канаде. Теперь эти фотографии являются своего рода наглядными документами, свидетельствующими о трудах и монашеских подвигах покойного Архиепископа.

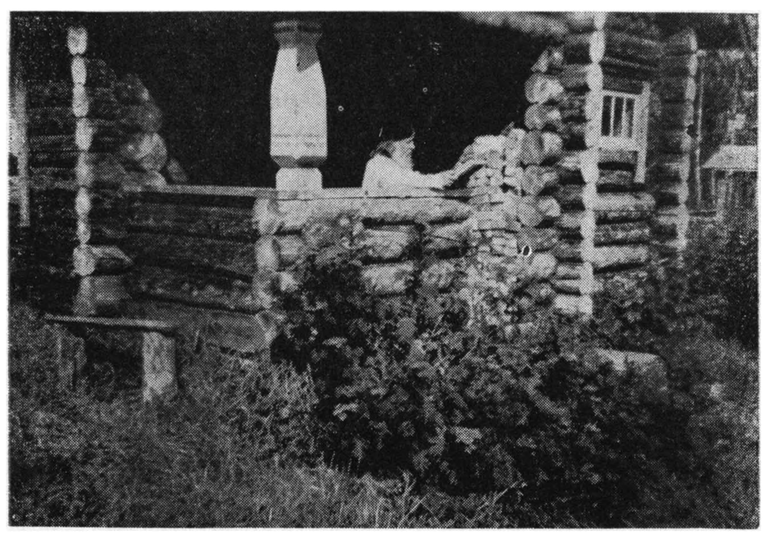
Имеется целый ряд снимков, которые можно было бы назвать "Владыка Иоасаф за работой". На одном из них мы видим: небольшой двор архиерейского подворья в Эдмонтоне; на первом плане в стареньком рабочем подряснике стоит Владыка Иоасаф с большим топором — колуном в руках возле огромной кучи напиленных и нарубленных им дров.

— Приходилось самому все делать, никого не нанимал, — пояснил Владыка, — что же, силенка была...

На другом — он же, делая широкий замах, косит траву на лесной просеке, прорубленной в свое время и расчищенной от пней самим Владыкой; теперь эта просека служит проезжей дорогой, ведущей к монастырю. В конце просеки — озеро. Показывая фотографию, Владыка объяснял: "Нужна была дорога, — сам ее и построил..."

Канада. Зимний вид одного из скитов, основанных Владыкой Иоасафом.

Канада. Владыка Иоасаф за постройкой своей келии.

Вот он, низко склонившись, трудится над вспаханным, а может быть и вскопанным им самим для будущего огорода полем, железными граблями разравнивая и разрыхляя землю; на следующем снимке виден Владыка с деревянной тачкой, на которую он старательно набрасывает лишнюю землю и мусор, чтобы отвезти это потом куда-нибудь подальше от бревенчатых стен новопостроенного скита...

Или вот: с обнаженной головой и в одной рубахе, под ласковыми лучами весеннего солнца, стоит наш Владыка на открытом свежем воздухе возле собственноручно сооруженного стола и готовит для "братии" обед. На другом снимке с этой самой братией (соседние крестьяне) Владыка внимательно осматривает — не прорвалась ли? — большую рыболовную сеть: скит-то ведь расположен на самом берегу богатого рыбой озера!

А вот и еще, — полная душевного умиления редкая фотография, напоминающая собой всем нам известные картины со страниц Святого Евангелия: Владыка Иоасаф совершает водосвятный молебен прямо на берегу живописного озера, причем сам Владыка в короткой полумантии и епитрахили стоит в лодке и читает Евангелие, а молящиеся расположились на берегу и внимательно слушают чтение...

Далее видим, — стоит улыбающийся своей доброй улыбкой Владыка Иоасаф чуть ли не по колено в снегу и держит в руках большой ком снега; на другой фотографии он же большой деревянной лопатой расчищает глубокий снег около своего архиерейского подворья. А вот и еще, — чудесный северный пейзаж: плотной стеной стоят вековые сосны, покрытые обвисшими клоками снега, а на переднем плане виден не то пень, не то придорожный, чуть покосившийся низкий столб под огромной снеговой шапкой, похожий на большой белый гриб.

Дальше несколько фотографий, снятых в разное время года так называемого "Владыкиного Скита" с небольшим бревенчатым храмом и звонницей, скита, любовно называвшегося Владыкой "Град Китеж"...

***

На первый взгляд жизнь Владыки Иоасафа в Канаде представляется хоть и полной тяжких трудов и физических лишений, борьбы с клеветниками и врагами нашей Зарубежной Церкви, но все же приносящей радость и удовлетворение при создании скитов, монастырей, приходов, в просвещении терявших веру людей, в помощи нуждающимся в Слове Божием и пастырской любви... Не даром заслужил он название "Просветителя Канады", о чем уже упоминалось.

Но природный жизнерадостный характер и глубокая, чистая, детская вера скрывали от окружающих какие испытания, какие скорби нес Архиепископ Иоасаф всю свою жизнь. И он никогда не омрачал жизни окружавших его, он всегда был внешне радостен и приветлив, жить с ним было легко. Но его искренняя вера в человека часто подвергалась тяжким испытаниям и все же не померкла, благодаря его высоким душевным качествам.

В Канаде же было много испытаний, больно ранивших чистое сердце Владыки. Так, например, он, слепо, по-детски веря в человека, рукоположил во иереи лицо, о котором паства отзывалась плохо. Но Владыка поверил в возможное исправление этого человека и рукоположил его. Чуть ли не через неделю тот перешел в Американскую Митрополию.

Второй случай. Перед рукоположением другого человека, в котором многие тоже сомневались, Владыка говорил одному прихожанину: "А ведь и этот изменит тоже, предаст" А затем, как бы гадательно, сам себе говорил: "Предаст или не предаст?" А когда и этот вскоре после рукоположения предал, то только и сказал: "предал-таки"...

Да, детская наивность и доверчивость принесли ему много огорчений... Но эта детская вера, наивность и любовь одни из многих чудных качеств прекрасной души Архиепископа Иоасафа.

Непосильные 20-тилетние физические и духовные труды в конце концов подорвали даже богатырское здоровье и силы Владыки...

***

С 1930 года по май 1936 года Епископ Иоасаф состоял Епископом Монреальским и викарием ныне покойного Архиепископа Виталия по управлению Северо-Американской и Канадской Епархией, а с 16 (29) мая 1936 года назначается Епархиальным Архиереем Западной Канады.

16 (29) октября 1945 года Владыка Иоасаф возводится в сан Архиепископа.

25 ноября (8 декабря) 1950 года Архиепископ Иоасаф временно командируется Архиерейским Синодом возглавлять вдовствующую Аргентинскую Епархию. Незадолго до этого он был поражен тяжким недугом, казавшимся не исцелимым, и подвергся серьезной операции. Привыкший, однако, следовать беспрекословно велению долга и исполнять по-монашески послушание, еще не окрепший физически Владыка отрывается от ставшей ему родной Канадской Епархии и летит в Буэнос Айрес.

10 (23) июля 1951 года Владыка назначается правящим Архиереем Буэнос Айресским и Аргентинским.

ЭМИГРАЦИЯ

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ

(1951-1955)

15. ПЕРВОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ В АРГЕНТИНЕ ЗАВОЕВАНИЕ СЕРДЕЦ ПАСОМЫХ
16. ПРИХОДЫ В АРГЕНТИНЕ
17. ВНЕСЕНИЕ МИРА В СРЕДУ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ И УЗАКОНЕНИЕ ЕПАРХИИ
18. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЖИЗНИ ВЛАДЫКИ НА АРХИЕРЕЙСКОМ ПОДВОРЬЕ
19. НЕКОТОРЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ПАСОМЫХ
20. "СЕ, ЧЕЛОВЕК"
21. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВЛАДЫКИ

15. ПЕРВОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ В АРГЕНТИНЕ. ЗАВОЕВАНИЕ СЕРДЕЦ ПАСОМЫХ

Архиепископ Иоасаф приехал в Аргентину в Великий Пост 1951 года. Новая паства с великой радостью встретила его. Уже на первом совершенном Владыкою Богослужении он привлек к себе сердца молящихся. Это Богослужение было совершено в Прощеное воскресение в Кафедральном Соборе, помещавшемся тогда в арендованном подвальном помещении. Владыка назвал его тогда "катакомбами".

Архиепископ Иоасаф уже знал о прискорбных событиях, пережитых незадолго перед тем Аргентинской Епархией и остававшейся некоторое время без правящего Архиерея. Об этом Владыка и начал говорить после Богослужения в своем первом слове.

— Значит вы все пережили большую скорбь... Тут Владыка остановился и вздохнул, как бы вместе со всеми переживая эту недавнюю скорбь. И тотчас же, совершенно неожиданно для мирского слушателя лицо его осветилось улыбкой искренней радости. Еще не успели отзвучать слова о пережитом, как он произнес:

— Вот и слава Богу! Раз Господь попускает нам переживать скорби, значит Он нас не забыл. Значит и впредь силы даст безропотно переносить скорби. Слава Богу!

— Когда я смотрел на нашего Архипастыря, — говорит Н. П. Кусаков, — на его искреннюю улыбку, когда я слышал его славословие Богу за посланную скорбь, сердца коснулась мысль: а Владыка должно быть очень хроший человек. И когда эта мысль коснулась сердца, — ему стало тепло.

Так подумал, наверное, не один из молившихся...

Сразу же после приезда в Аргентину Архиепископ Иоасаф посетил приходы сначала в районе Буэнос Айреса и его окрестностей, а потом и в пяти отдаленных провинциях. Везде своими прекрасными душевными качествами, любовью к человеку, несокрушимой светлой верой, постоянно радостным настроением и верой в луч-

шее будущее, желанием оказать любую помощь делом и теплым советом и искренней заинтересованностью в жизни приходов и молящихся Владыка быстро завоевал сердца паствы, ответившей ему любовью на любовь.

***

16. ПРИХОДЫ В АРГЕНТИНЕ

В то время Аргентинская Епархия насчитывала 21 приход и общины, из которых в Буэнос Айресе и его окрестностях было 4 прихода, имевших свои собственные храмы, и 6 помещались временно в жилых домах или арендованных помещениях. В провинциях было 2 прихода, имевших собственные храмы, и 4 прихода, не имевших собственных церквей. В Уругвае и в Парагвае было 5 приходов, имевших свои церкви, но для их нормального обслуживания не хватало духовенства.

Интересно напомнить, какими именно приходами обладала тогда Аргентинская Епархия.

В самом Буэнос Айресе находилось 2 храма:

1. Св. Воскресенский Кафедральный Собор (катакомбный по словам Владыки), помещался в арендованном подвальном помещении;
2. Св. Николаевский Храм на ул. Конститусион, находившийся в арендованном помещении.

В окрестностях Буэнос Айреса было 9 приходов:

3. Св. Владимирский храм в Вилья Бажестер, находившийся в помещении О-ва "Ля Колонисадора";
4. Св. Сергиевский храм в Вилья Бажестер, находившийся тогда в наемном помещении;
5. Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Темперлее, помещавшийся в частном доме, а потом в Доме Русских Военных Инвалидов;
6. Св. Гермогеновский храм в Кильмесе, занимавший временное помещение, собственный же храм был вскоре заложен и построен при Владыке Иоасафе;
7. Храм Иоанна Предтечи в Диаманте, имевший собственное здание;
8. Православный Очаг в Вилья Ариса, созданный Протоиереем о. Георгием Романовым, имевший времен-

ную церковь и начавший строить свой большой храм во имя Всех Святых в Земле Российской просиявших, заложенный при Архиепископе Иоасафе. При этом храме проектировалось создать в будущем монастырь.

9. Община в Сити Бэлл, имевшая свою церковь, законченную при Владыке Иоасафе Протоиереем о. Никифором Соловьевым за собственный счет.
10. Община в Абасто, заложившая и построившая в 1-й год окормления Епархии Владыкой Иоасафом свою церковь во имя Страшного Суда Господня.

В провинциях существовало 6 общин.

11. В Кордобе.
12. В Мендосе.
13. В Резистенции (Чако).
14. В Барилоче.

Все они не имели своих церквей и помещались либо в частных домах, либо служили в православных церквах арабов, сирийцев и др.

15. В провинции Энтре Риос, где имелся большой участок земли с церковью и домом, построенными и затем пожертвованными Епархии Архимандритом Аверкием (Восходовым), где Владыка Иоасаф предполагал создать монастырь.
16. В горах Кордобы в поселке Ля Болса Владыка Иоасаф приобрел на свои деньги участок земли и заложил на нем часовню и дом, чтобы создать хорошие условия для отдыха духовенства, где и сам желал жить на покое.

За границей Аргентины в Уругвае и Парагвае было 5 приходов, о чем мы сказали выше.

Все эти приходы обслуживались 19 священниками и 6 диаконами; из священников трое были в Уругвае и Парагвае.

**
*

Очень хотел Владыка иметь свой собственный Кафедральный Собор, а не ютиться в арендованном полуподвале. Вопрос как обычно не разрешался положительно из-за отсутствия средств.

Архиепископ Иоасаф, Архиепископ Феодосий и Епископ Виталий в Бразилии.

Это очень печалило Владыку, и в кругу близких людей он не раз говорил, искренне недоумевая:

— Ведь это так просто: найдись только пятьсот самоотверженных человек, которые согласились бы пожертвовать или даже, скажем, дать взаймы по одной тысяче песо, пускай не сразу, а в рассрочку, и мы имели бы свой собственный Храм.

Господь судил иначе... Но все же Владыка положил начало сооружению Кафедрального Собора, создав в январе 1952 года Строительный Комитет, который занялся сбором средств, необходимых на постройку Храма, и организационными работами.

17. ВНЕСЕНИЕ МИРА В СРЕДУ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ И УЗАКОНЕНИЕ ЕПАРХИИ

Нельзя забыть о больших и тяжких трудах Архиепископа Иоасафа за время пятилетнего окормления им Аргентинской Епархии, главным образом по внесению мира в разбушевавшуюся, было, и раскалываемую среду православных русских эмигрантов, как церковными юрисдикционными спорами, так и общественными разногласиями.

Мир был внесен не сухим администрированием, не приказами и наказаниями, а любовью, добрым словом, примером и чистой глубокой верой незабвенного Владыки. Аргентинская же Епархия нуждалась в упорядочении и твердом руководстве, и любящая, твердая и в то же время добрая рука Владыки была очень кстати.

Будучи от природы добрым и мягкосердечным человеком, Владыка не был строг, как администратор, и весьма снисходителен к своим подчиненным. Находились люди, которые порицали и даже осуждали его за это, что, конечно, доходило до Владыки. У него же на сей счет была своя точка зрения:

— Чтобы требовать или приказывать, — смиренно говорил Владыка, — существуют полицейские и другие власти... Архиерею же достаточно только предлагать или советовать, что равносильно приказу...

И, вероятно, это любовное и мягкое отношение к людям, сердечно полюбившим своего правящего Архиерея, было нужнее и действенней, чем строгость и приказы. И поэтому Аргентинская Епархия процветала при мягком, но бескомпромиссном руководстве Владыки.

Жизнь ее упорядочилась и узаконилась. 25-го июля 1952 года была создана Православная Конгрегация, необходимая для получения Епархией юридического лица, которой было передано церковное имущество всех приходов. Эта Конгрегация была зарегистрирована в августе 1953 года в Министерстве Культов, и, таким образом, Епархия была узаконена в Аргентине.

**
*

18. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЖИЗНИ ВЛАДЫКИ НА АРХИЕРЕЙСКОМ ПОДВОРЬЕ.

Вскоре по приезде Архиепископа Иоасафа в Аргентину — в апреле 1951 года — было устроено на ул. Кесада архиерейское подворье, где была келия Владыки, зал для собраний, 2 комнаты для монахов и келейников, живших с Владыкой.

Вот как описывает свои впечатления Б. П., живший как келейник на подворье.

...В полуоткрытую дверь видна небольшая келейка Владыки Иоасафа. К самой стене придвинута скромная монашеская постель, чуть дальше, в правом углу келии приделан угловичек в виде полки, на котором стоит на одной ножке небольшой деревянный аналойчик с лежащим на нем молитвенником; в глубине угла — справа и слева по стенам — развешаны иконы, перед которыми мерцает розовый огонек теплящейся лампадки. Тут же на гвозде, запросто вбитом в стену, висит старенькая епитрахиль.

Самого Владыки не видно, но знаешь, что он здесь у себя в келии, сидит за своим небольшим письменным столом и читает что-нибудь из святоотеческой литературы. Когда он один, он всегда читает. Несколько помедлив, говоришь:

"Владыко святый, благословите!"

"Бог благословит!" слышишь обычное благословение Владыки. Это значит, что к Владыке можно войти. Входите. Преподав благословение и поцеловав вас в голову, Владыка жестом руки предлагает садиться, указывая на богатое кожаное кресло, которое как-то не совсем гармонирует с остальной обстановкой бедной архиерейской келии. Заметив некоторое смущение и нерешительность посетителя, Владыка мягко улыбается и поясняет: "Это для гостей". Оказывается, кресло было подарено Владыке во время его тяжелой болезни одним из доброжелателей; но потом, немного оправившись, Владыка почти никогда в него не садился.

Тот, кому приходилось хоть раз беседовать с покойным Владыкой Иоасафом или бывать в его убогой келии, дверь которой всегда и для всех была открыта, испытывал необыкновенный мир и спокойствие на душе, как бы исходившие от всей фигуры смиренного и любвеобильного Архипастыря.

Где-то там, за стенами этой келии, кипит и волнуется житейское море, исполненное мелких и больших страстей, греха и всякого беззакония, а здесь, как в тихой пристани, защищенной и огражденной со всех сторон от злых ветров и бушующей непогоды, — спокойно и тихо. Только слабо мерцающий огонек теплящейся лампадки бросает мягкий свет на святые лики, как бы подчеркивая и усиливая этим благодатный мир и покой этой тихой духовной гавани...

— Вот читаю Святого Исаака Сирского, — как-то особенно вдумчиво говорит Владыка. — Страшно!.. Так страшно, хоть сан снимай..." Немного помолчав, он добавляет: "По данной мне благодати я должен был бы быть чудотворцем, а тут... Кроме собственных грехов, ничего не вижу...", глубоко вздыхает Владыка.

Гость широко открытыми глазами смотрит на кроткого и доброго своего Архипастыря, слушая смиренное и сокрушенное исповедание его, и гостю становится тоже страшно... Страшно за себя...

— Если он, — думает изумленный посетитель, — этот убеленный многими сединами благодатный старец, который, будучи еще молодым студентом Духовной Ака-

демии, оставил этот грешный мир, посвятив свои силы и способности служению Господу Богу и Его Церкви; тот, кто всю свою долгую жизнь провел в монашеских трудах и покаянии, наставляя на путь спасения многих, так страшится и сокрушается, то каково же мне, грешнику, живущему в этом мире страстей, грешном и прелюбодейном, и пребывающему в лености и нерадении о своем спасении?

**
*

Если к Владыке приходил кто-нибудь из священства или гостей, что было постоянным явлением, и случалось, что из его келейников никого не было в это время дома, то Владыка сам спешил на кухню, хлопотал об еде, накрывал на стол и с отеческой лаской потчевал гостя.

Вместе с Владыкой на подворье жили Игумен о. Савва, вскоре возведенный в сан Архимандрита, а впоследствии ставший Епископом Эдмонтонским и Западно-Канадским, и два келейника. Один монах о. Корнилий. возведенный Владыкой в сан Иеродиакона и иеромонаха, который, как отца, любил Владыку Иоасафа и сыновне о нем заботился. Владыка отвечал ему тоже любовью, наставлял и покровительствовал ему. Второй был молодой человек, очень церковный и глубоко верующий, и все ожидали, что он примет монашеский постриг. Но что-то помешало ему.

Незадолго до тяжкой болезни Архиепископа Иоасафа к нему, будто промыслом Божьим, был послан молодой человек, почти закончивший медицинский факультет, ставший келейником Владыки и посвятивший всего себя уходу за ним, трогательно заботясь о нем и облегчая, как мог, его физические страдания. Вскоре он принял от Владыки монашеский постриг, потом был возведен в сан иеродиакона и иеромонаха, а после кончины своего Аввы уехал в Северную Америку. Это — ныне здравствующий Архимандрит Анастасий (Загарский).

19. НЕКОТОРЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ПАСОМЫХ

— К сожалению, мне не пришлось много и часто встречаться с Владыкой Иоасафом", вспоминает М. П. "Но с августа 1951 года и до самого конца земного жизненного пути нашего доброго Архипастыря я периодически встречался с ним по делам нашего прихода. И на себе и на моих соратниках я всегда ощущал светлое влияние Владыки, его истинно отеческое попечение о нашем малом стаде, его теплое и живое участие в наших трудах по созданию и укреплению молодого тогда прихода, принимал его мудрые и простые советы, его радостную духовную и материальную поддержку в тяжелые моменты.

...Часто я просматривал протоколы общих собраний прихода с утверждением их рукой покойного Архипастыря, который тут же, прочтя вслух принесенный ему протокол, писал на оригинале почти всегда одинаково: "Утверждается полностью. Благослови Бог всех потрудившихся. Архиепископ Иоасаф"... И с довольным лицом и улыбкой, излучавшими радость и удивительное расположение, вручал этот протокол нам...

...Впервые Владыка служил в нашем храме в день Престольного Праздника 1 (14) октября 1952 года, когда церковь помещалась в частном доме. Молящиеся не могли вместиться ни в комнате, где была церковь, ни в коридорах, к ней примыкавших, и большинство молилось в саду под открытым небом.

В своем слове Владыка отметил великое значение Праздника Покрова Пресвятой Богородицы для каждого русского православного сердца, почитающего Святую Русь Домом Божией Матери, хранимым под Ее Святым Покровом. Закончил Владыка свое слово вдохновенным призывом к прихожанам верить в то, что Владычица не оставит Своей помощью святое дело постройки храма в честь Ее Пречистого Покрова.

После Богослужения за трапезой, состоявшейся в саду о. Настоятеля прихода, Владыка весело и оживленно беседовал с взрослыми и любовно с лаской шутил и пел с буквально облепившими его детьми...

...По совету и с благословения Владыки, 30-го ноября 1952 г. состоялся перевод нашей церкви в Дом Русских Военных Инвалидов в Темперлее с одновременным освящением Владыкой участка земли, приобретенного приходом для постройки на нем своего храма. На Богослужении и освящении земли присутствовало около 200 человек молящихся, среди которых находилась Е. И. В. Великая Княгиня Мария Павловна.

...И уже менее чем через год — 17 (30) августа 1953 года — Владыка совершил закладку нашего храма при большом стечении духовенства, гостей и прихожан.

...Хочется напомнить нашим русским православным людям, что некоторые из находящихся вокруг Буэнос Айреса церквей, в которых они молятся и трудятся, имеют под своими престолами освященные Архиепископом Иоасафом камни, на которых начертаны, как и на камне нашего храма, следующие слова:

"Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа основася сия Русская Православная (Заграничного Русского Синода) Церковь в честь и память Покрова Пресвятой Богородицы при Его Высокопреосвященстве Высокопреосвященнейшем Митрополите Анастасии, Председателе Заграничного Синода Первоиерархе Русския Зарубежные Церкви и Его Высокопреосвященстве Высокопреосвященнейшем Иоасафе, Архиепископе Буэнос-Айресском и Аргентинском, в лето от сотворения мира 7461, от Рождества же во плоти Бога Слова 1953, августа 17 (30) дня".

Бумагу, с которой были перенесены эти слова на камень, я храню как память о заложившем этот краеугольный камень Архиепископе Иоасафе. А камни, подобные нашему, — это залог связи основанной почившим Владыкой здесь, на земле, Церковью (т. е. между всеми нами в ней молящимися) и его светлым духом, возносящим к Престолу Всевышнего свои святые молитвы о нас грешных...

...Помню, как уже во время болезни Владыки он с радостью пожертвовал нам несколько своих икон, до сих пор украшающих наш храм и хранимых нами как память о незабвенном Архипастыре...

Память об Архиепископе Иоасафе не изгладилась в сердцах православных, почитавших его. Он сохранился в этой памяти не столько как правящий Архиерей, сколько как благостный Архипастырь; не столько как Владыка, сколько как отец; не столько как учитель, сколько как утешитель.

Вспоминает одна не очень церковная дама:

...Вот выйдет Владыка в начале обедни из алтаря, посмотрит кругом, благословляя, и кажется, что он **на меня** посмотрел, **меня благословил,** и так легко на душе станет...

Вот стоит Владыка на ступени амвона и отпускает народ после Литургии, говоря пастырское слово подходящему ко кресту множеству; каждый слышит только отрывок этой проповеди мимоидущим, но каждый уходит, запомнив слова сердечные, слова душевные из уст Архиерея; уходит, как бы унося на себе тот любовный взор, каким ласковый старец ласкал каждого, прикладывавшегося ко кресту.

***

Как Владыка любил во время будничных Богослужений, стоя на клиросе, петь знаменные и киевские распевы по старинным квадратным нотам! Он привлекал и молодежь к чтению и пению на клиросе, зная по опыту с детства, как это привязывает к церкви, роднит с нею. Службы при нем проходят бодро, отчетливо, с воодушевлением и глубоко молитвенно. Он не любил затягивать Богослужения, и они проходили быстро и были насыщены особой духовностью.

Для самого Владыки ежедневные церковные службы, которые он почти никогда не пропускал, были источником сил духовных и телесных. И как он скорбел, когда из-за болезни не мог служить или присутствовать в храме. Чуть не плача, он тогда говорил: "Ведь служба для меня все, самое главное, самое дорогое"

Запомнилась единственный раз совершенная в Соборе Литургия Апостола Иакова, брата Господа, когда

Архиепископ Иоасаф, отложив все знаки своего достоинства, сел в рясе на стул у амвона, спиной к Царским Вратам; вправо и влево полукругом село на стульях все духовенство; круг замыкала паства, заполнившая храм. Архиепископ Иоасаф говорил проповедь. Говорил, словно беседовал. Говорил, словно глава семьи, окруженный сыновьями, дочерьми, внуками, правнуками. Говорил не риторически, не эффектно, не рассудочно, а умилительно, просто и от любящего сердца...

* * *

Владыка был большим любителем книг и, несмотря на скудость своих средств, сумел создать довольно значительную библиотеку духовного содержания, которая в наше время, да еще заграницей, составляет большую ценность. Перед своей кончиной все свои книги Владыка завещал Аргентинской Епархии.

Среди этих книг можно видеть несколько Обиходов церковного пения — греческого, знаменного и киевского распева, написанные квадратными нотами, по которым покойный так любил петь и старался привить это и другим, и очень скорбел и сожалел, что мало находилось любителей и ценителей этой молитвенной старины.

* * *

За все свое пребывание в Аргентине Владыка не мог привыкнуть и примириться только с аргентинским климатом. Будучи северянином, да еще при своей грузной комплекции, Владыка тяжело переносил южно-американскую жару.

Несмотря на свою тучность, которой Владыка очень тяготился, он имел врожденную живость характера. Он не любил никакой медлительности и долгих сборов. И если ему приходилось куда-нибудь ехать, то он задолго до назначенного времени сам надевал рясу, а если было холодно, то брал еще и вязаный шарф, который в шутку называл "аргентинской шубой", клал в карман немного денег на дорогу и непременно очки и шел к выходу. Когда его келейные замечали это и предупре-

ждали его, что еще рано, то Владыка только отмахивался от них: "Боюсь, чтоб не опоздать".

Владыка нежно любил детей, а дети — Владыку. Он часто навещал "Православный Русский Очаг", при котором с самого его основания существовало детское общежитие. Когда приезжал сюда Владыка, для детей был настоящий праздник. Здесь он оставался иногда на целую неделю и больше.

Нужно было видеть Владыку, сидящим в прохладной тени очаговского сада, окруженного плотным кольцом детишек и что-либо интересное им рассказывающего или поющего с ними. Дети эти, вероятно, на всю жизнь запомнили песенки, которым их научил добрый пастырь...

Владыка учил также детей звонить в колокола, в чем он был настоящим мастером. После него сохранилась граммофонная пластинка с колокольным звоном, записанная в Канаде.

* * *

Однажды Владыка посетил детский лагерь на одном из островов в Тигре. Была там лодка. Владыка захотел покататься по реке и, отказавшись от всякой помощи, взмахнул веслами и уплыл. Часа через два вернулся и привез детям мешок яблок, где-то им купленных.

Радость детей была большая, но и не меньшей была радость самого Владыки.

20. "СЕ, ЧЕЛОВЕК"

Ныне покойный Протоиерей о. Николай Масич написал еще в 1958 году статью, посвященную памяти Архиепископа Иоасафа — **"Се, Человек!"**, которую помещаем ниже с незначительными сокращениями.

— Вспоминаю случаи из жития приснопамятного Владыки Архиепископа Иоасафа, свидетельствующие о его человеческом достоинстве в высшем смысле этого слова.

1.

Вскоре по приезде в Аргентину Владыка служил Божественную Литургию в нашем храме. После Литургии служил молебен для детей перед началом учения. Торжественно помолившись, Владыка обратился с беседой к детям. Эту беседу — простую, ясную, сердечную, глубокомысленную и назидательную — живо помнят мои прихожане, и взрослые и дети, и долго не забудут ее.

"Ученье — свет, а неученье — тьма", говорил Владыка. — "Тьма бывает либо ночью, либо когда закрыты глаза, либо когда человек слепой. В темноте мы все, как слепые, не видим друг друга, ничего не видим. Так неученый не видит, что записано в книгах святыми людьми, что в Евангелии записано самим Богом... Как спасаться для вечной блаженной жизни указано в Писании, а без учения Писания не узнаешь, а без знания Писания спасаться очень трудно. Учитесь, дети, старайтесь учиться хорошо. Я люблю тех, кто учится хорошо. А лодырей, лентяев, кто учится плохо, кто уроки пропускает, кто заданий не выполняет, кто книжки не бережет, кто тетради пачкает... таких я не люблю. Будете учиться хорошо, буду приезжать к вам часто и с подарками, а будете плохо учиться, — тогда берегитесь, на глаза мне не попадайтесь... Я строгий, ух какой строгий!". — Владыка высоко поднял свою грудь, повел плечами и, нахмурив брови, обвел всех детей ласковым ясным взором своих голубых глаз... Как железные опилки к магниту, потянулись дети к амвону и прильнули к "строгому" Владыке...

— А вас, детишки, я всех знаю и буду следить за вашим учением. Вот ты, Алеша, хорошо учишься, а спать здорово любишь. Смотри, не просыпай школу. Ты, Лена, видно художницей будешь: халат у тебя часто в чернилах. Ты, Виталий, сам такой же, чего смеешься над другими? А ты, Лида, сама пуговицы пришивай, не жди пока мама пришьет... Богу молитесь, — утром, вечером, всегда молитесь.

— Отче наш, иже еси на небесех... — запел Владыка, а за ним вся церковь. Могучее то было пение.

— А "Богородицу" кто знает? Прочитай, Валентин. — Валентин, хлопчик еще дошкольного возраста, прочел. — Вот, какие вы молодцы, хорошие вы дети. Я вас всех крепко полюбил. Да даст вам Господь Бог сил, здоровья и ума учиться хорошо во славу Божию, родителям на утешение, Церкви и Отечеству на пользу!

Все богомольцы залюбовались на благостного Владыку, дружески беседовавшего с малышами. "Вот — человек!", шептали друг другу прихожане... Высокопреосвященнейший окропил всех святою водою.

После трапезы не дали Владыке отдохнуть, да он и не мог отдыхать, когда в ограде толпились и взрослые и дети. Народ — паства, это была его родная стихия. Через несколько минут Владыка сидел уже на веранде, облепленный детворой. Поцелуи сыпались на него, как из рога изобилия. Десятки ручонок теребили его руки, одежду, волосы, бороду... А из дома, где готовили обед, старик повар любовался Владыкой, крестился и умиленно шептал: "Вот, человек! Святой человек!..."

2.

Прошло некоторое время и Высокопреосвященнейший опять служил в нашем храме. То же умиление, та же радость детей и взрослых.

После трапезы Владыка сел на скамье в тени храма отдохнуть. Ко мне пришел старый казак и просит:

— Доложите Высокопреосвященному, что я очень хочу спросить у "них" о своем спасении.

Я доложил Владыке о желании старика. Владыка пригласил его подойти и сесть рядом на скамью. Старик подошел, взял благословение, опустился на колени на землю у ног Архиепископа. Беседа началась с исповеди старика. Он каялся Архиерею в своих грехах и сквозь слезы все спрашивал: "Спасусь ли я, Владыка? Простит ли меня Бог?".

Начался диалог.

— Как твое христианское имя?

— Григорий зовут меня, Владыка.

— Ты очень хочешь спастись, Григорий?

— Очень хочу, Владыка, об этом только и думаю.

— А Богу молишься дома?

— Молюсь, Владыка, утром, вечером, перед едой и после еды и всегда молюсь.

— И в церковь ходишь?

— Хожу и люблю ходить.

— Постишься, когда следует?

— Пощусь, Владыка.

— И милостыню подаешь?

— Подаю, по возможности.

— Зла ни на кого не носишь в сердце своем?

— Не имею зла ни на кого, а ежели, может быть, кто на меня гневается, то прошу Бога вразумить того на доброе, успокоить и простить меня...

— Григорий, ты спасешься! Отныне забудь свои прошлые грехи. Живи, как живешь: молись, постись, в церковь ходи, милостыню твори, не злись, не мсти, и Бог тебя спасет, как сам ты того и не придумаешь.

— А ежели я умру и на том свете меня спросят, кто тебя разрешил от твоих тяжких грехов, кто позволил тебе так жить, кто уверил тебя, что ты спасешься?

— Скажешь: меня разрешил и так жить позволил мне и уверен во спасении наш Архиепископ Иоасаф...

Покаянная струна отзвучала... Старик обнял ноги Архипастыря, целовал их, обливал слезами радости и выкрикивал: "Я разрешен, я спасен... Слава Тебе, Господи!.." Он поднялся, подошел ко мне, поблагодарил за устроенное собеседование и все повторял: "Вот человек, святой человек!"

Через неделю Григорий заболел, исповедался, причастился и вскоре, неожиданно для всех, умер.

3.

"Уже перед болезнью Владыки мне пришлось сопровождать его в одну поездку. Билеты на поезд уже имелись, и мы прибыли на станцию за час до отъезда. Владыка не любил опаздывать.

Сидя в зале ожидания, мы наблюдали прибывающих и отбывающих пассажиров, их встречи и расставания с родными и знакомыми. Люди обнимались, приветливо со слезами улыбались друг другу. Как бы ни-

когда не видевший подобных сцен, Святитель по-детски наивно любовался народом. Наконец, сам сквозь слезы заговорил: — Господи! Какие хорошие люди на свете. Какие милые, любезные друг к другу...

Владыка умилился до самозабвения. Он был величественен и прекрасен в своей непосредственности. А сидевшие вокруг люди уже любовались Старцем-Архипастырем, и слышались слова:

— "He aqui el hombre! Qué hombre! Santo hombre!"

К нам подсел серб, и Владыка заговорил с ним об Югославии...

Люди, соприкасавшиеся с приснопамятным Владыкой по службе или просто в быту, никогда не забудут его обаятельного образа — благостного, жизнерадостного, застенчиво-смиренномудренного, по-детски доверчивого, но и прозорливо осторожного.

Высокопреосвященнейший был одарен Богом многими талантами: художник, музыкант-певец, писатель-поэт, философ-богослов и т. д.

Но все свои дарования Владыка подчинил монашескому смиренномудрию и никогда ни перед кем не кичился ими. Только ревность о Церкви и о Святых догматах Православия страстно прорывались из его золотых уст, да безмерное терпение, кротость и простота были молчаливым образцом для многих..."

21. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВЛАДЫКИ

О последних днях Владыки тепло и просто, с искренней любовью и почитанием, говорит М. Г. в своей статье **"Архиепископ Иоасаф"**, приводимой нами полностью.

"...Еще в Канаде Владыка тяжко занемог, пришлось делать операцию, силы его подорвались. Необычно было Владыке чувствовать себя больным и немощным, ему, который всю жизнь был воплощением здоровья и недюжинной силы, физической и духовной; который проявлял беспредельную стойкость в борьбе за чистоту Православия, за права нашей Синодальной Зару-

бежной Церкви, отстаивая ее от всяких посягательств; ему, который собственноручно строил храмы и келии, который неустанно посещал самые отдаленные селения своей огромной Епархии. Да и в Синоде, когда узнали, что Владыка болен, не сразу тому поверили: — Кто? Владыка Иоасаф? Быть того не может!

Но сомнений не было. Подобно солженицынскому Костоглотову Владыка сам изучил свою болезнь по где то им добытым медицинским книгам и убедился, что у него рак. Однако, от этого он не впал в уныние, а принял свой недуг с достойным христианина смирением и покорностью воле Божьей, что отчасти отразилось в им составленном каноне Святителю Иоасафу Белгородскому. В Аргентине он, смеясь, говорил со свойственным ему юмором: "Врачи в Канаде меня уже приговорили, что, мол, не больше 2-3 месяцев проживу, а я их обманул, вот уже несколько лет живу!"

После второй операции, уже в Аргентине, его главным образом удручала не сама болезнь, не страдания, а невозможность служить. Ежедневные церковные службы были для него самым главным в жизни источником сил и радости, питанием души. После операции Владыка еще около двух лет был полон энергии, живо вникал во все дела Епархии, особенно радуясь храмостроительству, которое он всячески поощрял.

Но настала середина марта 1955 года, когда его постиг первый удар, повторившийся с бóльшей уже силой через неделю; положение больного стало критическим. Весть о болезни Владыки быстро распространилась по городу и его окрестностям. Все устремились в церкви. Была крестопоклонная суббота. При переполненных храмах служились молебны о здравии. Со слезами молились русские люди об исцелении своего горячо любимого Архипастыря и духовного отца. Редко ощущалась такая сила молитвы, как тогда! Потому она и дошла до Господа, что была так сильна! Уже в воскресенье днем Владыке немного полегчало, и потом медленно, но верно дело пошло на поправку. Уже в Вербную субботу, хотя и с трудом, Владыка смог совершить постриг своего нового келейника, своего последнего постриженника, о. Анастасия.

Помнится, как после Всенощной весь народ молча стоял не расходясь в храме, ожидая прибытия Владыки (впервые после его тяжкой болезни).

Особенным же утешением для всех верующих была пасхальная служба, которую возглавил Владыка. Как всегда на Заутрени — торжественный, светлый, он заражал молящихся неземной радостью великого Праздника праздников. А когда бы, пренебрегая запрещением врачей, остался служить и Литургию, то прямо не верилось, что он так недавно был на краю смерти; все смотрели на него с радостью и умилением, как на некое чудо, окрыляясь надеждой, что он еще поправится и еще послужит. Не падал духом и сам Владыка.

Будучи в горах Кордобы, он купил участок земли в поселке Ля Болса, где постоянно бывает много русских. Вскоре он там заложил и распорядился строить маленький домик и утвердил проект миниатюрной церковки. Он сильно желал поселиться там на покое, проводя дни в созерцании и в молитве. Как-то он, указывая на висевшее у него изображение будущей церковки, сказал: "Это моя мечта. Вот, если, Бог даст, поправлюсь, три колокола туда куплю. Такой трезвон устрою!" В мечтах он видел там уже и монашескую обитель, хотя бы и женскую.

В Кордобе на лоне природы он окреп и смог снова вернуться к своим обязанностям. В июне он совершил еще закладку храма в Православном Русском Очаге. Когда Успенским постом он осматривал начатую постройку, то с грустью сказал: "Этого храма я уже не увижу". Ему возражали, но он убежденно повторял: "нет, этого уже не дождусь!"

И как раз там, спустя два дня, его постиг третий удар, который, однако, еще не окончательно сломил его могучий организм. Но Владыка уже с тех пор больше не выходил. Он охотно принимал посетителей, с любовью и радушием беседовал с ними, наставлял, рассказывал поучительные случаи, по своему обычаю шутил и этим ободрял и утешал всех. Но все больше ему приходилось лежать, и это, пожалуй, было тяжелее самой болезни; бывало с усмешкой он говорил: "ну что

ж, надо опять потрудиться. Лежать для меня самый тяжелый труд!“

Все страдания, связанные с его длительной болезнью, он переносил безропотно, терпеливо, не жалуясь и стараясь причинять поменьше беспокойства другим. Только своему любимому авве, покойному Архиепископу Феофану Полтавскому, он однажды, — как сам рассказывал, — пожаловался.

— Говорю я ему: ”Владыка, тяжело мне, помолись за меня, уже давно тебя не видел, хоть бы во сне посмотреть на тебя!“ — и исполнил мою просьбу мой любимый наставник. Когда мне было особенно плохо, снится мне, что он подходит к моей постели, стоит надо мной и долго с любовью смотрит на меня, но так мне ничего и не сказал. А рядом стоял новый митрополит, но незнакомый. После этого сна мне стало легче!

Часто Владыка говорил: ”Что здесь — не важно, главное — что там!“ И к переходу ”туда“ он готовился всю свою подвижническую монашескую жизнь, твердо веря своей детски чистой душой в бытие иного мира. Когда он касался вопроса о загробной жизни, то чувствовалось, что для него она была ясной реальностью, так ярко он ее себе представлял.

О своей близящейся кончине он редко упоминал, хотя можно было догадываться, что он ее предчувствовал и был к ней готов. Да и раньше еще он говаривал: ”Если бы только знать, что самый маленький уголочек Царства Небесного унаследуешь, то хоть сегодня бы умереть. Что наша земная жизнь? Ничто!“

Как-то раз Владыка надоумил старосту, что он как канадский подданный имеет право быть похороненным на английском кладбище, где тогда еще можно было купить место на 99 лет. Думал ли он, что этим как бы откроет доступ русским на это кладбище, где теперь в большом количестве высятся восьмиконечные кресты?

В те тревожные дни болезни Владыки прихожане всех приходов всячески старались проявить свою любовь и заботу о нем. В последние дни молодые люди, его любимые иподьяконы, по ночам дежурили у него.

Совсем незадолго до смерти он сказал посетившему его батюшке, поздравляя его с наступающим днем Ан-

гела: "А именин я вам не испорчу: уж после умру". Так и вышло — Владыка скончался 5 дней спустя после именин.

За эти три месяца Владыка соборовался, часто причащался. На дому у него совершались разные службы. А в его юбилейный день 25-тилетия архиерейского служения, 12 октября, на подворье съехались все священники, служили Литургию. Владыка причащался с глубоким благоговением, а потом принимал поздравления присутствовавших. Староста, с трудом сдерживая слезы, сказал Владыке приветствие от всей Епархии, поздравил его и передал подношения — роскошную мантию и резные по дереву Крест и Панагию. Владыка растроганно благодарил всех за внимание, за подарки, был светлым и радостным, а его всегда ясные глаза отличались особенной голубизной и отражали внутренний свет и глубокую любовь к каждому.

В течение месяца Владыке было то лучше, то хуже. А в жаркие душные дни ему особенно становилось тяжело. За пять дней до кончины произошел четвертый удар, который уже окончательно победил богатыря — великоновгородца. 22-го числа он, еле говоря, исповедался и причастился Св. Таин.

Последние, ясно сказанные им слова были: "Спаси вас всех Христос". Хочется верить, что он имел в виду не только его окружающих лиц, но и всех нас, его духовных чад Канады и Аргентины. Затем Владыка уже не приходил в себя, дыхание понемногу затихало, пока Господу не было угодно принять его светлую душу. Тайна смерти совершилась в субботу 13/26 ноября 1955 года в 6 часов 40 минут, в день памяти особенно чтимого Владыкой Святителя Иоанна Златоуста, в день, когда 43 года тому назад, он, приняв монашеский постриг, вступил на путь своего всежизненного подвига.

Отпевание было торжественным, как бы праздничным. Собралось все местное духовенство, а благодаря тому, что это было воскресенье ,то и народу было огромное количество, как на Пасху. Всенощная и воскресная Литургия служились архиерейским чином: иподиаконы с дикирием и трикирием, мальчик с посохом, возгласы "Владыко, благослови" ...

От всего этого было грустно, ибо подчеркивалось физическое отсутствие дорогого архипастыря, но вместе с тем и утешало сознание, что он своей светлой, любящей душой здесь с нами... Это его присутствие в церкви многие явно ощущали и потом, особенно до 40-го дня. После Литургии сразу же началось дивное по своему содержанию монашеское отпевание. Слушая его, как ни странно, моментами было на душе даже как то радостно. Особенно поразили в нем слова, сказанные как бы самим усопшим спасайтесь, братие! — так как именно это Владыка повторял часто при всяком удобном случае: "главное спасайтесь!"

Перед "прощанием" Настоятель сказал теплое, сердечное надгробное слово, в котором он перечислил все заповеди Блаженства, и оказалось, что все их умерший исполнял; он обратил внимание, что глаза это зеркало души. Чистая, светлая душа отражалась в детски светлых глазах Владыки; он подчеркнул смирение Владыки, которым он всегда отличался, а особенно безмерную его доброту и благость. Тут, обращаясь к почившему, проповедник воскликнул: "этой твоей добротой мы часто злоупотребляли и этим тебе огорчения доставляли, прости нас!" и земно поклонился своему лежащему в гробу архиерею, за ним и вся церковь с плачем опустилась на колени.

Многие потом вспоминали, что в последнее "Прощеное воскресенье" Владыка, как всегда, просил у всех прощение, а затем как-то особенно подчеркнул, что всем, всем, кто его хоть как-то обидел или огорчил, — он прощает. "Всех прощаю!" повторил он снова с каким-то волнением. Предвидел ли он, что мы сокрушенно будем просить у него прощения у его гроба?...

Огромное множество народа, съехавшегося со всех концов Буэнос Айреса, подходило прощаться со своим почившим Архиереем. Почти все плакали, в том числе и мужчины, не говоря уже о священниках и иподьяконах. Целовали митру и правую руку, державшую простой деревянный крест, сохранившийся с пострига, а в левой руке было старенькое, потрепанное, многочитанное Евангелие.

Канадский посол тоже приехал отдать последний

долг многолетнему архиерею русской Церкви в его стране. Когда все простились, гроб был закрыт.

Литургия и отпевание длились больше 5 часов, небывалая в это время года жара доходила до 38 градусов, полуподвальное помещение церкви и всегда было душным, а тут еще оказалось до отказа заполненным народом. Казалось бы и десяти минут нельзя выдержать в такой духоте, однако стояли, и все потом с удивлением заметили, что с легкостью выстояли все службы.

Вечерняя служба собрала уже меньшее количество молящихся, но зато было особенно задушевно и мирно. Заходили, вероятно из любопытства, незнакомые лица, местные католики с детьми, и к удивлению всех подолгу стояли в церкви, благоговейно крестясь и молясь. Да и никому не хотелось уходить, трудно было оторваться, так было хорошо около гроба, чудесный мир излучал он.

В понедельник перед Литургией панихиду пели дети из детского общежития в Русском Очаге, куда Владыка часто ездил. Дети его очень любили и всегда радостно встречали, обступали, жадно слушали его рассказы и вместе с ним пели детские песни, вместе молились и пели в церкви.

После заупокойной Литургии, на которой несмотря на будний день было очень много народа, была отслужена панихида опять всем городским духовенством, а затем им же гроб был перенесен на катафалк, который, провожаемый длинной вереницей автомобилей, повез его на Британское кладбище, где он был опущен в могилу, расположенную близ часовни, под большими деревьями.

Связь любви между пасомыми и почившим Пастырем не прервалась. Мы молимся о нем Господу Богу, а он, видно, продолжает заботиться о нас у Престола Всевышнего. Доказательством тому является та умиротворенность, то успокоение, которое поселяется в душе у его могилы, не говоря уже о тех случаях помощи, которая приходила по его молитвам, что и при его жизни часто бывало. Кроме того, разные лица в разное время видели во сне Владыку, он утешал, указывал, как посту-

пать, уверял в том, что молится за них, благодарил за молитвы о себе и о своих родителях.

Поистине, у Господа нет живых и мертвых, а все живы, и все мы вместе составляем одну Христову Церковь. Будем же просить Пастыреначальника Христа, чтобы Он молитвами нашего почившего архипастыря утвердил в нас веру, не дал бы нам отпасть от истинной Церкви и таким образом дал бы в будущей жизни узреть хоть издалека нашего незабвенного молитвенника и пестуна Архиепископа Иоасафа.

***

Тем же скорбным для нас, оставшихся, последним дням жизни незабвенного Владыки посвящена статья Н. Г. **"Преставление Архиепископа Иоасафа"**, помещенная в журнале "Православная Русь" №1 за 1956 год, которую приводим полностью.

— 13/26 ноября в день памяти святителя Иоанна Златоуста Владыка Архиепископ Иоасаф, приняв монашеский постриг, вступил на спасительный путь иночества. 43 года спустя в тот же день отошел Владыка в иной мир.

За шесть недель до преставления Владыки Архиепископа 29 сентября /12 октября исполнилось 25-летие его епископства. Этот день своего юбилея Владыка праздновал, находясь уже на одре болезни. Собором священнослужителей была отслужена Божественная Литургия в скромном подворье маститого юбиляра, и, причастившись Св. Таинств, болящий Владыка принимал поздравления присутствововших. Находясь в скорбях болезненных страданий, спокойный, как всегда, сияющий тихим внутренним светом, благостный Архипастырь озарял всех лучами исходящей от него благодати. Растроганный скромным выражением преданности и любви своей паствы, Владыка Архиепископ, со свойственной ему детской простотой, выражал свою радость в этот знаменательный день своей святительской жизни.

Со дня своего пострига самоотверженно вступив на иноческий путь, почивший Владыка Архиепископ большую половину его проходил в святительском сане, что

еще больше усложняло неразлучные с стезей монашества труды и скорби. Но во всей полноте они ведомы только Господу Богу, т. к. почивший Владыка Ему одному открывал их, а людям он являл и при всех обстоятельствах старался являть спокойное радостное лицо, всегда ободряя окружающих. Скромностью иноческого чина укрывая епископский сан, Владыка Архиепископ в повседневной жизни был прежде всего иноком. Преданный всем существом святоотеческому учению, Владыка Архиепископ явился его воплощением, и слово Владыки всегда было насыщено назидательным смыслом. Часто любил Владыка ссылаться на творения Святителя Иоанна Златоуста, который, видимо, был ему особенно близок, и недаром дипломная работа при окончании Духовной Академии была им написана на тему: "Монашество по учению святителя Иоанна Златоуста". "Слава Богу за все", подобно святителю Иоанну, любил говорить Владыка в течение всей своей жизни, и в последние дни, беседуя со своими пасомыми, Владыка убеждал их помнить эти слова, особенно при нападении духа уныния.

Не верилось окружающим, что, обладая таким могучим телосложением, Владыка Архиепископ так скоро расстанется с этой своей земной храминой. Сам он не привык находиться в болезненном состоянии и потому никак не мог признать себя больным. В течение последних лет Владыка Архиепископ подвергался серьезным и тяжелым заболеваниям, но как только по милости Божией переходил на положение выздоравливающего, Владыка, кипя энергией, возвращался к свойственной ему неутомимой деятельности. Не думал Владыка о себе и о своем отдыхе, заботясь лишь о внутреннем и внешнем благоустройстве Господом Богом вверенной ему Епархии. Будучи Епархиальным Архиереем, Владыка, подобно Апостолу, бывал "всем и вся", когда ради этого могла быть духовная польза пасомым, причем так это делал Владыка, с таким чудным смирением и простотой, что, казалось бы, несовместимые вещи теряли свое несогласие, и их совмещение приобретало глубоко назидательный смысл. Так, например, Владыка бывал не только чтецом и певцом на клиросе (благодаря чему в будние дни введены были за Богослужением знаменные

старинные распевы), но и выносил свечу или подавал священнослужителю кадило, как алтарный мальчик — прислужник. А за год до своего преставления Владыка Архиепископ собственноручно строил храм, что вообще было нередким явлением в его жизни. Бывало и так, что для поощрения и ободрения какого нибудь послушника Старец Владыка Архиепископ исполнял послушание самой обыденной жизни. И каким был Владыка всю свою жизнь, таким остался и в предсмертной болезни, которая заставила его лечь в постель за три месяца до преставления. Не поддавался ей Владыка даже и с парализованной ногой. Ухаживавший за Владыкой его послушник, его последний постриженник, бдел над своим болящим Аввой дни и ночи. Случалось, особенно в первые недели этой болезни, что отцу Иеромонаху необходимо было отлучиться ненадолго за покупками. Оставаясь без медицинского надзора, Владыка пробовал вставать, не веря тому, чтобы он не в состоянии был это делать. Большею частью такие попытки кончались неудачей и только ухудшали здоровье больного, т. к. Владыка, теряя равновесие, падал, что вызывало серьезные осложнения. Убедившись в необходимости лежать, Владыка Архиепископ с октября месяца уже лежал в постели, изредка, при помощи других, в моменты улучшения переходя на кресло. Когда здоровье Владыки улучшалось, он принимал навещавших его, с архипастырской любовью и радушием беседовал с ними, и его беседа утешала их, рождая и надежду на выздоровление. Владыка так живо высказывал планы относительно начатых церковных дел, что казалось, что болезнь не сможет одолеть этого полного энергии человека. Когда усиливалась болезнь Владыка терпеливо переносил страдания, стараясь как можно меньше доставлять хлопот окружающим. Могучая натура Владыки лишь медленно поддавалась недугу. Третий удар обычно бывает смертельным, а для больных со вторым приходит смерть. Владыка был окончательно обессилен лишь четвертым.

Редко говорил Владыка о приближающейся кончине, но ее давно предчувствовал и был к ней готов. Иной мир давно был сферой его внутренней жизни, но это таил Владыка под покровом простоты и смирения. С жи-

вым участием отзываясь постоянно на обращавшиеся к нему вопросы, Владыка мог создавать впечатление человека, занятого интересами повседневной жизни. Но его простые, не гонявшиеся за внешней формой слова отражали отрешенность от суеты мира. "Что здесь — неважно", говаривал Владыка, когда ему указывали на скорби и неудобства окружающей жизни: "главное, что там!" и взглядом своих чистых выразительных глаз красноречиво говорил о светлой реальности будущей жизни. Святое бытие иного мира светилось в детских глазах чудного Старца, а в последние дни его земного существования придавало его лику неземное выражение.

Наставляя вопрошавших, говорил иногда Владыка о том, что монаху хорошо причащаться Св. Таин каждый день. Отсюда, вероятно, и задушевное желание Владыки иметь возможность постоянно служить в находящейся в непосредственной близости небольшой часовне, которую и начал, было, строить Владыка за четыре месяца до кончины. Однако, по своему смирению Владыка считал себя недостойным частого причащения Святых Таин. Во время болезни только, когда ему предлагали, с радостью соглашался он принять Святые Дары. Когда произошел четвертый удар, за пять дней до преставления Владыки, его духовник предложил ему причаститься. С трудом говоря, исповедывался Владыка во вторник 9 (22) ноября. Духовник боялся, что больной не сможет принять Святые Дары, т. к. Владыка не был уже в состоянии принимать пищу. Приняв Святые Дары и не сразу их проглотив, Владыка с трудом проговорил: "проглотил". Словом: "ослабел", охарактеризовал Владыка истощение своих физических сил. Болезнь окончательно победила, казалось, несокрушимую мощь богатырской натуры великоновгородца.

Пять дней еще лежал Владыка, ожидая смертного часа. Едва слышно выговаривал редкое слово, но чаще движением руки или головы, а больше выражением лица отвечал на вопросы. Для облегчения дыхания в четверг вечером его положили в палатку с кислородом. Постепенно замирая, все тише и тише дышал Владыка, пока Господу не угодно было разрешить от земных уз всегда в Небесное Отечество стремившуюся душу Вла-

дыки Архиепископа Иоасафа. Почил Владыка в субботу 13/26 ноября утром в 6 часов 40 минут.

Облаченный в скромное облачение, сохранившееся со дня епископской хиротонии, запечатленный отличиями святительского сана, с ликом, покрытым священным воздухом, лежал почивший Владыка на смертном одре, которым послужил ему в первые часы после преставления стол в его трапезной. Чудное зрелище являл собой почивший Архипастырь! Владыка предлежал на столе своей трапезной, как жертва смерти, но его душа предлагала присутствующим действительно чудный пир веры, т. к. от светлых останков почившего веяло несокрушимой реальностью вечной жизни. В правой руке почивший святитель держал святой Крест, а в левой Св. Евангелие и свидетельствовал веру в непобедимую силу воскресшего Господа Иисуса Христа. И этой верой наполнялись сердца поклонявшихся праху почившего Архипастыря.

После чина облачения было совершено чинопоследование по исходе души из тела, а около 11часа тело почившего Владыки было переложено в гроб, после чего около 12 часа дня перевезено было в храм Воскресения Христова.

Когда последний раз в воскресный день говорил почивший Владыка, он убежденно свидетельствовал, что над истинно верующими во Христа диавол не имеет власти. Он искушает верующих, но диавол раз навсегда побежден Воскресшим Господом Иисусом Христом. Эту победу ощущают верующие на земле, но в полноте они ее будут созерцать и переживать, перейдя в иной мир. Лежа в гробу посреди храма Воскресения Христова, почивший Владыка примером своей смерти подтверждал силу недавно сказанных слов. Чудный мир излучал гроб Владыки, и не хотелось уходить от него! Скорбь видимой разлуки с чудным Старцем глубоко поражала сердца его пасомых, и нельзя было удержаться от слез. Но, вместе с тем, этот чудный мир, это ощутимое дыхание вечной жизни, веявшее от происходивших в эти дни Богослужений, претворяли печаль смерти в пасхальное торжество, и скорбь утраты смягчалась торжествующими воскресными гимнами.

Воскресная Всенощная и Божественная Литургия совершились в обычное время, а до и после Богослужений совершились панихиды. В промежутках читали священнослужители Евангелие. В воскресенье после Божественной Литургии собором всех священнослужителей Буэнос Айреса был совершен с душевной простотой и искренними слезами торжественный чин отпевания. Надгробное слово сказал предстоятельствующий с такой искренностью и силой, что в один миг опустились на колени все находившиеся в храме и священнослужители и миряне, коленопреклоненно прося у почившего Архипастыря прощение в том, что, злоупотребляя его благостью, позволяли себе проявлять самоволие и непослушание. После обряда прощания гроб был закрыт.

Богослужения следовали своим чередом, и гроб пребывал в храме до понедельника. Все эти дни во время Богослужений у гроба, стараясь пересилить плач, стояли, последний раз служа своему Архипастырю, его иподиаконы, сначала с дикирием и трикирием, а при закрытом гробе со свечами. Жезл попеременно держали мальчики-прислужники. Перед заупокойной Литургией в понедельник была отслужена панихида, на которой с умилительным благоговением пели дети, воспитанники Русского Очага, и маленький мальчик без ошибки прочитал часы. После Божественной Литургии и литии священнослужителями и иподиаконами гроб был перенесен на катафалк и перевезен на британское кладбище. (На городском кладбище существует невероятный обычай — хоронить покойников только на 4 года, а на английском можно хоронить на 99 лет).

Когда гроб был перенесен к могиле, оказалось, что она не соответствовала величине гроба, и надо было ожидать около получаса, пока могильщики увеличивали отверстие. Когда могила была готова, земля приняла гроб, как таинственное священное зерно, которое, по определению Божию, должно раствориться в своей первоначальной стихии для того, чтобы под звуки архангельских труб из него вышло в великолепии нетления и славы преображенное тело, а сейчас его душа устремилась в мир, где нет печали и воздыхания, где царствует

бесконечная чудная жизнь, и святой мир овевал сердца осиротевшей паствы, светлая память о Почившем.

Каждый день стали совершаться заупокойные Литургии в Храме Воскресения Христова при очередном служении всех священнослужителей. На девятый день было совершено три панихиды: в Кафедральном Соборе, в Св. Сергиевском Храме, где как раз отмечалось 50-тилетие священнослужения о. Протоиерея Грамолина, и на могиле Владыки Иоасафа.

В этот день несколько человек видели Владыку во сне в светлых сияющих ризах, со светлым лицом. Одна из ревностных певчих, вернувшись усталая домой после трех этих панихид, увидела во сне, что вместе с другими молящимися, лица которых не запомнились, она находится в боковой части какого-то старинного храма перед древним образом большого размера. Сразу трудно было разобрать изображение на этом потемневшем от времени образе. Перед молящимися, лицом к иконе, сидел Архиепископ Иоасаф в излучающем свет облачении. Казалось, что только что закончилось какое то Богослужение. Она услышала голос Владыки Иоасафа. Как это часто бывало при его жизни, он благодарил певчих за проникновенное пение и выражал большую радость, что сегодня целый день провел со всеми любящими его и слушал их теплые голоса. Все ожидали, что Архипастырь повернется благословить их и можно будет видеть тогда его лик. Но в это время Владыка как бы поплыл по воздуху к иконе и стал невидимым, как бы растворившись в ней. Только тогда эта дама увидела, что это знакомая ей по Бейруту старинная икона Господа Саваофа. И на этом проснулась.

Неполных пять лет был Епархиальным Архиереем на Аргентинской Кафедре почивший Владыка, оставив по себе такую память, что имя его произносится с благоговением. "Господь Судия" в переводе на русский язык означает имя почившего Владыки Архиепископа Иоасафа. И подлинно величайшую добродетель неосуждения проявлял Владыка, часто употребляя эти слова, когда ему указывали на греховные поступки людей или на касавшуюся самого Владыки несправедливость. "Господь Судья, а мне что до того", говаривал Вла-

Могила Архиепископа Иоасафа на Британском Кладбище
в Буэнос Айресе.

дыка и незаметно потом прилагал архипастырскую ревность для обращения этих пасомых к покаянию и исправлению. Недостаточны слова человеческого языка для того, чтобы описать облик этого чудного Архипастыря. Да и невозможно для человеческих сил правильно охарактеризовать того, кто со свитком своей многотрудной славной архипастырской деятельности ныне предстал пред Всеправеднейшим Господом — Судией. Но запечатленный словами боговдохновенных церковных песнопений сияет незабвенный облик Святителя Божия и церковного песнотворца Кир Иоасафа Архиепископа: "...по имени твоему, тако и житие твое; спросия бо седине разум, свидетельствоваше светлость лица твоего душевное незлобие, извествоваше кротость слова молчаливое. Жизнь твоя — славная, и успение — со святыми; моли о душах наших!"

Н. Г.

ДУХОВНЫЙ ОБЛИК АРХИЕПИСКОПА ИОАСАФА

22. НЕСЕНИЕ СКОРБЕЙ
23. СИЛА ПРОПОВЕДИ
24. СЛОВАМИ ПАСОМЫХ
25. ДВА РАССКАЗА ВЛАДЫКИ
26. БЛАГОДАТНОЕ СМИРЕНИЕ

Духовный облик незабвенного Владыки хотя уже и выявляется во всю свою чудесную чистоту, силу и красоту из приведенных выше статей и воспоминаний его современников, все же не будет достаточно полным, если мы не сделаем некоторых дополнений, не столько о внешней жизни и деятельности Владыки, как о его беседах, проповедях, поучениях, о воспоминаниях близко знавших его людей, — дополнений, которые еще более характеризуют внутреннюю жизнь нашего Архипастыря.

**
*

22. НЕСЕНИЕ СКОРБЕЙ

В своей статье **"Памяти Наставника"** Н. П. Кусаков так характеризует жизнь и внутренний облик Архиепископа Иоасафа (приводится в сокращенном виде):

> **В міре скорбни будете, но дерзайте,**
> **яко Аз победих мір. (Иоан. 16-33).**

...Вся его жизнь была несением скорбей. Об этом упоминают мало и без отчетливости по той причине, что Владыка умел переносить скорби, не теряя присутствия духа, так как постоянно жил в твердом уповании на Бога, Который "Сам искушен быв, может искушаемым помощи". (Евр. 2, 18). В последние годы своей жизни Владыка настолько был обогащен духовным опытом, что скорбным его почти никто не видел, хотя причин скорбеть было много.

Он жил среди нас, мы видели его в храме да изредка в его архиерейских "покоях". В наше мирское общество Владыка выходил не часто. Но даже видя его издали и не ежедневно, иной раз даже редко, мы все очень четко знали, что у нас есть наш архиерей, добрый, сердечный, наставник и утешитель. Он был человек, который каждым шагом, словом и делом служил Богу и Церкви, помышлял и молился о спасении Родины.

К нему можно было прийти с любой сердечной болью и знать, что он выслушает и найдет нужное слово, которое лекарством ляжет на душу. Бывало, что лекар-

ство это было смешано с горечью, потому что не всегда архиерейское слово непосредственно утешало и успокаивало. Бывало даже, что слово наставления вызывало на пререкания. Но всегда выходило, что Владыка находил такое слово, что его возле сердца повертишь, повертишь, да и придешь к сознанию, что прав был архиерей, и вещи становились на своё место.

Его почитали не только русские, православные. Чиновники Аргентинского ведомства, связанного с вероисповедными вопросами страны, юристы и другие "внешние", соприкасавшиеся с Владыкой Иоасафом, долго после кончины Владыки вспоминали его с глубоким уважением.

На нем оправдались слова Господни **"Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам"**. (Матф. 6, 33). Главная идея его жизни — служить Богу и усилием восхитить Царство Небесное. (Матф. 11, 12). Отсюда все последствия, и **"сия вся" прилагались ему.** Не сразу, но твердо и окончательно. В этом, быть может, и есть самое важное из того, в чем Владыка Архиепископ Иоасаф являлся для всех нас примером.

"Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие, ихже взирающе на скончание жительства, подражайте вере их" (Евр. XIII, 7). Так, думается, и мы исполним завет апостольский, если начнем с подражания **вере** нашего покойного наставника, который каждым своим словом и делом своей жизни "глаголяше нам слово Божие".

Только, очевидно, потребуется с нашей стороны усилие. Конечно, мы станем отговариваться своей духовной немощью. В оправдание своей немощи и бездеятельности мы станем говорить о покойном Владыке Иоасафе, как о богатыре духа. А мы, дескать...

Но это слабая будет отговорка, так как Владыка, будучи столь же простым человеком, какими являются все, и мы в том числе, **хотел** служить Богу, **хотел** добиться спасения, и он делал все, что должно было делать для этого. Вот тогда-то "в немощи человеческой и совершилась сила Божия". (Кор. 12, 9), и тогда Господь дал Владыке богатырскую силу духа. В этом хотении, в

этой последовательности стяжания спасающей благодати Христовой нам и надо подражать нашему наставнику. Так что слабостью нашей оправдываться не приходится.

Беседуя с покойным Владыкой Иоасафом однажды, автор этих строк спросил, как надлежит понимать апостольские слова о "скончании жительства"? Идет ли здесь речь о том, как умирали наставники, или это речь о цели, поставленной ими себе в жизни?

— Конечно, о цели! Это и св. Апостол выясняет, когда сам ученику своему Тимофею пишет и говорит: "Подвигом добрым подвизахся, течение соверших, веру соблюдох". (Тим. 4, 7.). Надо и нам ту же цель ставить себе в жизни, что наставники ставили....

Так и прожил на земле Владыка Иоасаф свою жизнь, полную физических и душевных скорбей, но и духовных утешений, донеся полный елея свой светильник до того дня, когда он от нас ушел к Богу, чтобы принять "соблюдавшийся для него венец правды" (2 Тим. 4, 8), и нам оставил цель ясную и простую:

— Ищите же прежде Царства Небесного и правды его, и сия вся приложатся вам".

***

23. СИЛА ПРОПОВЕДИ

О силе проповеди Владыки Иоасафа, основанной на глубокой вере и подкрепленной примером личной жизни, говорит ныне покойный Протодиакон о. Василий Карклинс в своей статье "Памяти Владыки Архиепископа Иоасафа", в которой он также приводит выдержки из нескольких проповедей Владыки.

— Его проповеди, простые и искренние, приводили слушателей не только к размышлениям о своей греховности, но и к нравственному совершенствованию и, таким образом, достигали той цели, к которой и должен стремиться одухотворенный искрой Божией служитель Церкви Христовой. И не одна душа, при содействии Владыки, пришла к чистой вере и укрепилась на пути ко спасению! На вопрос, чем же именно он этого достигал? — одно лицо, прежде мало веровавшее, а теперь

искренне преданное Богу и Церкви, ответило: — Да всем! И своим проникновенным служением, в котором чувствовалась такая искренняя, горячая молитва; и всем своим обликом, отражавшим светлую, чистую душу; а главное — своими проповедями и поучениями, в которых он так убедительно и искренно, с таким жаром учил истинам веры, что они западали глубоко в душу и там зажигали огонь веры и побуждали перестраивать всю жизнь на христианский лад по заветам Церкви!

Вот какова сила проповеди, основанной на глубокой вере и подкрепленной личным примером жизни.

Мы приведем здесь несколько выдержек из проповедей покойного Владыки, говорящих о вышесказанном:

Человек познается и познает самого себя лучше всего в страданиях, в скорбях. После грехопадения скорби стали уделом всего человечества, ибо Господь сказал: "в мире скорбны будете". Апостолы и святые отцы наши, древние и новые, все "едиными усты" говорят о страданиях, как о единственном спасительном пути по завету Господню.

Отбросить от себя спасительное иго скорбей мы никак не можем. Нам остается только смириться и примириться с этим, а это даст нам искусство терпения. С последним связаны многие добродетели. Земное благополучие, бесскорбное житие не даст нам этих добродетелей. Есть пословица: "корень учения горек, а плоды его сладки". Подобно этому и горькая жизнь приносит в будущем, в вечной жизни сладкие плоды. Для нас же, скорбящих в земной жизни, — это великое утешение. Это и есть подлинная Божественная Правда.

Сущность человеческой правды мы видим в современной нам жизни — суетной, тлетворной, лишенной заботы о душе, а потому убогой и ужасной, от которой хочется бежать без оглядки.

Правда Божия — это жизнь бесконечная в Боге, в Свете, где мир и радость в Духе Святом. На пути к этому полному счастью мы и должны про-

быть в земной жизни в скорбях, чтобы заслужить себе полное и подлинное счастье — спасение. Будущее за теми, кто в жизни сей страдает за Правду Божию, ибо "Блаженны плачущие и жаждущие правды".

Потерпим же и мы, пройдут и наши скорбные дни, и скажем тогда словами Священного Писания "поднимите головы ваши" все скорбящие во Имя Божие, ибо "приблизилось спасение ваше".

Спасти свою душу, устроить ее для вечного царства — какая это великая и мудрая задача, необходимейшая из всех заданий. Все земные задания ничто: — "суета сует". Ап. Павел все вменяет в "тщету". А мы? О, горе! "Тщетное" и "суету сует" ставим мы на первое место: "небрежем" же о падении души нашей, "вещи безмерной".

"Возстани спяй", увещевает нас Слово Божие; "возстани спяй, что спиши" — пробуждает нас громким голосом Святая Церковь. Но спят беспробудным сном христиане, погруженные в заботу "суетного света".

Интересы земли, оказывается, дороже вечных небесных интересов.

"Ничто нечистое не войдет в Царство Божие" (Откр. 21, 27).

Нечистота здесь разумеется не только сердечная, но и нечистота ума. Есть грехи сердца и есть грехи ума, ошибки сердца и ошибки ума. В Царстве Небесном нетерпимы и те, и другие. Там нетерпима вообще всякая нечистота или неясность, происходящие от греховного человеческого падения. В Царстве Божием все должно быть ясно, все чисто. Всякое отклонение от Закона Божьего и Божественного учения обнаруживается при свете Божественном. "Бог есть Свет, и несть в Нем тьмы ни единые. Бог есть солнцезрачный Ум: что укроется от Него? Ни одно из помышлений сердечных"; во свет будет приведено все "тайное!"

Вот почему будут судимы не только пороки, страсти, но и уклонения ума от истинного учения, от Веры Истинной. Будут судимы всякие неправильности в вере. Одной верою будут судимы, одной мерою будут "мериться", мерою правильною, верою истинною. Как один Бог и Отец всех, так и едина Вера. Истинная Вера только и есть Вера, уклонение от нее есть суеверие, лжеверие, суемудрие.

Между двумя точками есть только одна прямая линия. Между Богом и человеком тоже только одна прямая: истинная Вера. Уклонение от нее ведет человека к погибели: приводит его на дно ада. Предположим, что человек пошел не по прямой, а по линии уклонения. Продлим эту линию до бесконечности — в вечность. Сам того не замечая, человек пройдет мимо Царствия Божьего, а что вне Царствия Небесного, то "бездна", в которую он и низринется, ибо он оставил путь "истинный", ведущий в Царство Небесное.

Поэтому нам для спасения нужна "правая" вера. Без правой — истинной веры нет правильного "умонастроения", нет правильного "устроения" души. Нужно твердо помнить, что Царство Божие "внутри нас есть", а не вовне; это "внутри" и нужно устраивать по всем точным правилам точнейшего и тончайшего Закона Божественного.

Хочется передать содержание одной легенды, которую мы слышали от покойного Владыки.

Ангел Господень, беседовавший ежедневно с Адамом, некоторое время промедлил своим посещением. Придя по обыкновению в рай, он не нашел там Адама, а увидел его вне рая, копающим землю. Ангел назвал его по имени, но ответа не получил; второй и третий раз окликнул его, но ответа тоже не последовало. Тогда Ангел подошел близко к Адаму, но тот его не увидел; наконец Ангел прикоснулся к плечу его, но Адам не почувствовал

и прикосновения ангельского. — Адам, что с тобою? — удивленно спросил Ангел, но ответа опять не получил, ибо Адам не слышал, не видел Ангела и не чувствовал ни его присутствия, ни прикосновения.

"Вероятно, он нарушил закон Творца", сказал себе Ангел и с печалью отошел от Адама.

"Так действует грех на человека, а вместе с ним и на всю тварь!" грустно закончил свой краткий рассказ Владыка.

Поучения покойного Владыки о необходимости скорбей на первый взгляд кажутся несовместимыми с его натурой — жизнерадостной и даже веселой. Но в этом-то и сказывается его подлинно христианское понимание жизни: — ни во что не ставить скорби, не унывать из-за них, быть выше их, зная, что они временны, и веря, что они — путь ко спасению.

Много скорбей выпало на долю нашего ревностного Архипастыря, но он побеждал их своим смирением, молитвой и верой, за что ему, как истинному воину Христову, и было дано еще в этой жизни познать духовную радость, которую мы видели и чувствовали в нем, заражаясь ею во время больших церковных торжеств, особенно на Пасху.

Думается нам, что теперь, пребывая в ином мире, Владыка Иоасаф вошел в "радость Господа своего" (Мф. 25, 21), где "Праведность и мир и радость во Святом Духе" (Рим. 14, 17).

---

24. СЛОВАМИ ПАСОМЫХ

1.

Бесконечная доброта к людям, понимание слабостей человеческой природы, глубокая вера в безграничное милосердие Божие, полное незлобие — вот что прежде всего чувствовал каждый, слушающий Владыку.

"Никого не осуждайте. Может быть, этого человека Господь уже простил, а вы осудили"...

"Согрешил человек, упал, но не оставайся лежать

в грехе. Встань и покайся. Господь милосердный все прощает".

И сам он никогда никого не осуждал.

**
*

Владыка хорошо знал и понимал немощь нашего естества, легкое и удобное поползновение ко греху человеческой природы. Поэтому он с большой любовью и снисхождением относился к людям, прощая им их слабости и недостатки. Он сам никогда и никого не осуждал и не любил, когда при нем кого-либо осуждали или отзывались недоброжелательно. В таких случаях Владыка хотя никого и никогда не останавливал, однако, как то так, бывало, посмотрит на любителя позлословить, что тот вдруг приходил в замешательство и, устыдившись, невольно замолкал.

**
*

Любовь к людям и доброта к старости стали проявляться у Владыки особенно безудержно и всемерно. Просьбы он исполнял быстро, не задумываясь, конечно если они не шли во вред или могли принести зло. Много у него было снисхождения к слабостям человеческим, однако, он резко отделял их от сознательного греха, зато осуждения ближнего он не терпел и энергично, где и когда только мог, искоренял его вокруг себя, говоря: "Бог Судья!" (что, кстати, является переводом его имени — Иоасаф).

Он был честным, прямым, нелицеприятным в своих суждениях, в отношении к людям, непоколебимо твердым в церковных вопросах, особенно в верности Русской Зарубежной Церкви.

**
*

Будучи на редкость добрым и мягкосердечным человеком, зная и понимая немощь человеческой природы и по своему глубокому смирению считая и себя большим грешником и даже недостойным епископского сана, покойный Владыка искренне от всего сердца

прощал всякий грех людям, кроме измены и предательства. В этих случаях Владыка был непреклонен и тверд, как адамант.

***

Владыка искренно любил и ценил людей, не внимая никаким наговорам, если таковые имели место, и чистосердечно верил каждому. (К сожалению, бывали случаи, когда люди злоупотребляли этим доверием).

Для него все люди были равны. Он одинаково принимал всех, когда к нему приходили, будь то человек общества или простолюдин.

В постигшем горе или нужде, с тяжестью на душе или болью в сердце люди шли к нему, своему доброму пастырю, и каждый уходил от него обласканный и успокоенный им, со светлой надеждой на будущее.

***

Кто его ближе знал, тому не раз приходилось слышать, как говорил Владыка: "Здесь-то я Архиерей, князь Церкви, а там...", показывал он рукой на небо, "неизвестно кем буду". И затем добавлял: "если бы только знать, что по милосердию Божию сподоблюся получить хотя бы маленький уголочек в Царствии Небесном, то я готов умереть хоть сегодня".

Владыку Иоасафа всегда можно было видеть веселым и жизнерадостным. Даже в последние дни своей жизни, прикованный к постели тяжелой болезнью и постепенно угасавший, как зажженная свеча, Владыка не переставал шутить, приводя этим в умиление его окружающих. Исполненный благодатного мира и спокойствия внутреннего, Владыка передавал эти чувства и другим. Жить при нем действительно было легко и спокойно.

Веселость и жизнерадостность остались у Владыки,

несмотря на сознание обреченности в связи с тяжким недугом. На праздниках, на трапезах он часто в образных живых рассказах вспоминал разные случаи своей жизни еще в молодости, или из своего пастырского опыта, из жизни в Канаде. Ему был свойственен и добродушный юмор, любил он и послушать занятные рассказы, и часто можно было видеть его смеющимся от души. Даже что-нибудь поучительное или легкое порицание он преподносил часто в присущей ему живой, веселой форме.

Живость у него вообще проявлялась во всем, в реакциях и суждениях. Если к нему приходили за советом или благословением на какие-нибудь начинания, то он с живостью, с интересом обсуждал его одобряя и, если мог, сам участвовал в деле. Особенно ярко проявлялась его предприимчивость в организации новых приходов, в создании храмов, скитов, которые он зачастую строил собственными руками, когда был здоров. Он привык служить другим и сам все делать, этим часто смущая лиц, окружавших его в последнее время, не успевавших предупредить его желания.

Всех поражала его удивительная непритязательность, его смирение и простота во всем. На заданный однажды вопрос, как достичь, как стяжать настоящую простоту, Владыка ответил тоже удивительно просто: "Да так, будьте со всеми искренни, откровенны без лицемерия и достигнете простоты".

**
*

Когда касался вопрос веры и нашего спасения, Владыка говорил, что мы, мол, по своей немощи и по своей греховности тех подвигов и той меры Святых Отцов понести и достигнуть хотя и не в состоянии, но подражать по мере своих сил и следовать путем Св. Отцов можем и обязаны.

— Главное, чтобы сохранить правильное направление и не сбиться с пути, который ведет в Царствие Небесное, — любил добавлять Владыка.

**
*

Поборник Божией Правды и благочестия, ревностный обличитель зла и всякого беззакония, Владыка всю жизнь не переставал учить словом и делом, наставляя людей на истинный путь ко спасению.

Кто не помнит горячих проповедей почившего Архиепископа Иоасафа с церковного амвона, в которых он непрестанно призывал русских православных людей, как к личному, так и ко всеобщему искреннему и нелицемерному покаянию.

— Сказано: "не надейтеся на князи, на сыны человеческие, в них же несть спасения!" — Или вы думаете, что вас спасут Соединенные Штаты Америки? Страна, где статистические данные показывают, что 70 миллионов современных американцев засвидетельствовали себя атеистами, не принадлежащими ни к какой религии, а остальная часть ушла и коснеет во всевозможном сектантстве? — говорил Владыка.

"Помните, православные, единственное, что может спасти Россию, это молитва и покаяние!" И он всегда учил призывать на помощь ко спасению России своих великих русских Святых. Чуть ли не единственный раз видели молящиеся своего Архипастыря плачущим, когда он говорил об этом в своей проповеди.

Владыка следил также и за политическими событиями, происходящими в мире, но газеты читал исключительно русские. Читал и нередко сокрушался. "Пишут и много пишут, но не то пишут", бывало замечал Владыка.

"Необходим решительный, сильный и крутой поворот в сторону истинного добра, всецелое устремление к Богу и Церкви ... Не будет этого, — сатанинский большевизм наводнит вселенную, и человечество захлебнется в собственной крови" ...

***

Патриотизм Архиепископа Иоасафа, его любовь к Родине и желание послужить ей, отличавшие его в ранней юности, с годами приняли скорбно-мистический характер, превратились в сокрушенный плач, в огненную проповедь покаяния, в неустанные призывы к духовно-

му возрождению и совершенствованию. чтобы снова стать достойным своего Отечества и сподобиться, по милости Божией, жить в освобожденной России под скипетром православного Царя, ибо лишь монархический строй он считал истинным православным.

**
*

В детски-чистой душе Владыки осталась, как в юности, любовь к природе, к ее красоте, но теперь, под старость, она возносила его ум к Создателю Вселенной и наполняла его сердце благодарностью к Нему, Который по Своей милости дает нам утешение при созерцании благолепия Своего творения. Отсюда вытекает и его интерес к фотографии, который на первый взгляд может показаться непонятным: ему хотелось удержать видимую красоту и поделиться ею с другими.

Также и художественные дарования у него тесно связаны с чутким восприятием красоты.

Музыкальным и поэтическим талантом он также был одарен Господом Богом, но с течением лет они делались более одухотворенными и встали на службу Церкви и проповеди.

**
*

Детская религиозность Владыки выросла в глубокую сильную веру, основанную на учении Церкви. Редко теперь встретишь такого человека, который основывал бы всю свою жизнь, все свои мысли и дела на вере в Бога и на исполнении Его заповедей, откуда вытекает и его полная преданность воле Божией, связанная с беспрекословным монашеским послушанием. Это послушание и привычка к внутренней и внешней дисциплине корнями тоже уходят в детские годы.

Мы искренно удивлялись, как это Владыка, больной, вскоре после серьезной операции решился бросить Канаду, ставшую ему почти родиной, где и климат был для него особенно подходящим. Он отвечал на это с легким оттенком грусти: "А что-ж было делать? Я ведь монах, послушание на первом месте: сказали ехать, я

и поехал, а там, — что Бог даст! На все Его Святая воля!“ добавлял он уже с бодрой улыбкой.

Да, видно была Господня воля на то, чтобы аргентинской пастве испытать на себе благотворную, всепобеждающую и умиротворяющую любовь незабвенного Владыки, силу его молитвенной помощи, его заботливого участия в горе и чутких советов в недоумениях и сомнениях. Нужно благодарить Бога за то, что Он дал нам радость несколько лет иметь своим Архиереем Владыку Иоасафа....

***

25. ДВА РАССКАЗА ВЛАДЫКИ

В статье **”Памяти Владыки Иоасафа“** вспоминает С. М. о двух рассказах нашего Архипастыря, представляющих большой интерес как дополнительная характеристика духовного облика Владыки и его родных.

”В связи с его восторженным восприятием красоты природы, вспоминается рассказ Владыки об одном сне — видении, которое он видел после кончины своего духовного руководителя, Архиепископа Феофана Полтавского.

Однажды на подворье у Владыки Иоасафа собралось несколько человек. Все просили его рассказать им об этом видении. Владыка не сразу согласился, очевидно не так легко ему было делиться с посторонними этим потрясшим его в свое время переживанием, но, видя всеобщий интерес, он уступил усиленным просьбам.

— После смерти моего любимого наставника, — рассказывал Владыка Иоасаф, — я сильно скорбел: я ведь привык всю свою жизнь обращаться к нему с разными вопросами, за советами, за руководством, и вдруг его не стало. Мне было очень тяжко, я много молился о нем...

И вот, в ночь на 40-й день после его кончины, снится мне — стою я перед величественным храмом, из которого после службы выходит множество архиереев. Я узнаю великих святителей — Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого и многих других;

вдруг среди них вижу — мой Владыка Феофан! Подбегаю к нему "Владыка святый, откуда Вы?", "Да вот только что соборне служили литургию. Идем с нами". Я пошел. Все уместились в обширном не то автомобиле, не то лодке, которая стала как бы плыть по воздуху. Мимо нас проходили холмы, леса, долины неописуемой красоты, дивные храмы и монастыри. Мой Авва показывал мне на эти обители и раскрывал их судьбы: "этот вот спасется, а вот тот, там внизу, в долине, тот погибнет" — страшно смотреть! А кругом нас все прекрасные сады, дивное благоухание. Я с восхищением смотрю, не насмотрюсь, даже спросил своего Владыку, нельзя ли сфотографировать такую красоту, а он улыбается и снисходительно говорит: "Ну, попробуй!"

Долго мы так неслись по воздуху среди этого благолепия. Наконец я не выдержал и спросил: "А где же мы?" Владыка Феофан мне отвечает: "Да как же ты не понимаешь? — в раю!"

С тех пор я успокоился, поняв, что мой дорогой наставник удостоился вечного блаженства"...

Всех слушавших поразила светлая простота и глубина этого рассказа, и один из присутствовавших воскликнул: "Значит, Владыка святый, и Вы в раю побывали!" Он только отмахнулся: "Да куда мне!" и скорбно задумчиво замолк. Чтобы прервать это неловкое молчание кто-то шутливо спросил: "А снимать-то Вам удалось?" Владыка не рассердился на этот неуместный вопрос, а, улыбнувшись, ответил полушутя, полусерьезно: "Да нет, не до того было!"

Вспоминается и еще один рассказ Владыки Иоасафа, в котором он с большим душевным волнением повествовал о своей племяннице Наташе, дочери старшего брата, 12-летней девочке.

Наташа, живя со своими родителями в Сов. Союзе, долго и тяжело болела, но удивительно терпеливо переносила свои страдания, никогда не жалуясь. Однажды, уже совсем ослабев, она выразила желание причаститься, зная, что скоро должна умереть. Родители пытались разубедить ее в этом, но она настаивала на своем, говоря, что Божия Матерь и св. преп. Серафим Саровский ее об этом предупредили. Отправились искать

священника, но не так-то просто было найти "тихоновского", а не официально признанного "живоцерковника". Но все же удалось вовремя причастить девочку, а она тем временем просила помыть ее и переодеть во все чистое.

Причастившись, она поднялась, попросила поесть (хотя давно уже не могла принимать пищу), даже встала. Родители ободрились, но она все следила за временем и за полчаса до указанного ей в видении срока легла и стала прощаться со всеми близкими. Ее снова пытались убедить, что она ошибается, что вот ей после причастия стало лучше, но она твердила свое и уверяла, что вот-вот за ней должны прийти. Вдруг она встрепенулась и радостно воскликнула: "Вот идут!" — "Кто идет?" спросили ее. "Божия Матерь и преподобный Серафим!" с этими словами улетела ее светлая душа.

"Я тогда писал брату", говорил Владыка, "что они теперь имеют свою молитвенницу перед Господом!"

Рассказывал это Владыка во время своей последней болезни, и один из батюшек сказал ему в ободрение: "Вот видите, Владыка, Ваша племянница терпеливо переносила свою болезнь, и за ней пришли Божия Матерь и Св. Серафим!" — Да, — сказал со вздохом Владыка, — но за мной-то все равно не придут. Недостоин я!..

Верим, что все-таки он оказался достоин. Не так явно, но пришел и за ним святой муж, писания которого он больше всего любил и изучал, а именно Святого Иоанна Златоуста. Неспроста Владыка Иоасаф был пострижен в день памяти этого святого и неспроста был призван Господом 43 года спустя в этот же день! (13/26 ноября 1955 года).

Владыка при жизни постоянно напоминал нам об учении святых отцов, которые учили, что при переходе в иную, загробную, жизнь нас там встречают те, кому и о ком мы особенно молились здесь на земле.

Будем же не забывать в своих молитвах нашего покойного Архипастыря в надежде, что он, любвеобильный, и нас встретит при нашем исходе и испросит нам милосердия у Господа.

**
*

26. БЛАГОДАТНОЕ СМИРЕНИЕ

Вспоминает Архиепископ Феодосий, что Архимандриту Амвросию несколько раз было видение Архиепископа Иоасафа вскоре после его кончины. Также о. Амвросию передавал о. Макарий, что Владыка Иоасаф являлся ему наяву: первый раз во время келейного правила, а во второй раз во время Богослужения в алтаре, как живой, но в прозрачном одеянии, и благодарил его за то, что поминает его родителей.

Отец Амвросий определил Владыку Иоасафа **"хранителем,** притом твердым, **канонической чистоты и неповрежденности церковной"**.

Как человек он был преисполнен любви ко всем, был весьма прост и невзыскателен. А простота должна быть отличительным качеством каждого священнослужителя, по определению Св. Праведного Иоанна Кронштадтского.

Да упокоит Господь душу его с праведниками, ибо и он был праведной и благочестивой жизни...

Архимандрит Константин вспоминает о Владыке Иоасафе в своей короткой, содержательной и интересной статье **"Памяти Архиепископа Иоасафа",** помещенной в журнале "Православная Русь" № 23 за 1955 год, приводимой нами здесь полностью.

ПАМЯТИ АРХИЕПИСКОПА ИОАСАФА

> **«Благодатное смирение невидимо, как невидим податель его Бог. Оно закрыто молчанием, простотою, искренностью, непринужденностью, свободой».**
>
> **Епископ Игнатий Брянчанинов**

Одним из первых в США знакомств моих в среде архипастырей был Владыка Иоасаф в Сан Франциско, куда приехал он из Канады в короткое мое там пребы-

вание. Сразу как-то особенно полюбилась мне его грузная, исполненная невыразимого добродушия и внутренней радостью растворенного смирения фигура. Она как бы вся улыбалась вам навстречу, внося уют и спокойствие, и точно век были вы знакомы с Владыкой, хотя и двух слов еще с ним не сказали. Никакой архиерейской пышности и помпы не было в нем — даже в служении. Правда, и отвык он от всего этого в Канаде. Чувствовалось, что так же свободно и легко служил бы он, не будь тут ни иподиаконов, ни жезлоносцев, ни сослужащих, ни даже и дьякона — ко всему уже привычный. Но величие сохранилось в этой простоте — пастырской и архипастырской, одновременно. Может быть, и к этому приучила его Канадская жизнь, когда он и требы совершал, и по приходам вместо священника ездил, да и по фармам. И не только ездил, а порою и ходил, если фармер — недотепа, ожидавший к себе священника и увидевший у себя архиерея, своею "благодарностью" не покрывал все же даже и расходов по далекой дороге. Некоторые подробности, в самой только общей форме сохранившиеся у меня в памяти, я узнал из общих разговоров и из личных бесед с Владыкой, когда мы потом вместе на автомобиле ехали в Сеаттль.

Замечательная то было поездка. Драйвером у нас была Надя Данильчик, дочь священника, худенькая, похожая на мальчика девушка, едва не подросток — опытный и серьезный шофер, а седоками Владыка и еще три священнослужителя, а среди них я. Трое суток ехали, на ночь останавливаясь в "мотелях", ехали и степями, и лесами, и горами. Еще несколько дней я провел в Сеаттле в семье гостеприимного о. Михаила совместно с Владыкой; и все тот же был он: спокойно-радостный, светло-смиренный, уютно-добродушный. Никто, кажется, так уютно не молчал, как он; а если скажет-рублем подарит. Иногда и расскажет что — подробно, обстоятельно, неторопливо — и опять замолчит. Трудно представить себе человека более легкого в доме. И, вместе с тем, при самом тесном общении — он неизменно пастырь и архипастырь. Лишнего никто при нем не скажет, а жизнь при нем течет свободно, непринужденно; и радостно всем, что он тут, хоть и молчит. И как

то он всегда доступен: как ни поздно, — он не лег, как ни рано, — он уже встал...

Мягкость, приветливость, уступчивость, непритязательность — предельные. Кажется, ни в чем никогда отказа никому не будет, и ни на чем Владыка настаивать не станет. И только постепенно и невзначай рождалось из бесед с Владыкой сознание непреклонной, несгибаемой силы, которая не в ущерб этой мягкости в общем личном способна была проявляться у него в делах церковно-общественных. Раскрывалось постепенно, какую ношу в этом отношении должен был порою поднимать на свои могучие плечи этот спокойный богатырь и в своей канадской деятельности. Да, можно было, действительно, быть спокойным за его широкой спиной. Не только воплощение физической силы было перед вами. — А какова была эта сила, помню рассказ Владыки, как он во Франции торопливо шел к поезду с двумя большими чемоданами в руках и как сел от неожиданности носильщик, на лету подхвативший один из чемоданов — он был полон книгами. То было воплощение и силы нравственной. Редко мне приходилось встречать человека, так уверенно, спокойно, невозмутимо, органически преданного нашей Зарубежной Церкви — без всяких послаблений, без всяких оговорок, вне всяких колебаний. Скала, о которую способно было разбиться всякое сопротивление и которую не могла бы подкопать никакая, самая прельстительная лесть.

И другое еще постепенно становилось ясным: глубокая богословская культура, присущая Владыке. Он был прост в слове — не только обыденном, но и с амвона. И не охоч к последнему. И к перу у него не было охоты. Молчаливость была частью его природы. Но за отсутствием словоохотливости лежала не бедность, а своеобразное богатство, которым и сам Владыка жил и которым готов был щедро поделиться с другими — по нужде в том, действительной нужде. Он был школы Архиепископа Феофана Полтавского, которого глубоко почитал. Со скорбью рассказывал он о том, как неудачлив он оказался в деле использования богатого литературного наследства покойного святителя — не нашлось относительно очень скромных средств для того, чтобы полу-

чить его от тех лиц, у кого жил Владыка и у кого осталось это наследие. Чувствовался во Владыке Иоасафе и педагог духовный. Большое в нем несомненно было содержание, и много чему мог бы научиться и чем обогатиться человек, около него дело своего спасения содевающий, — уверенность в этом рождалась крепкая. Узнал я потом, что ученики его по Корпусу в Югославии, где он преподавал, души в нем не чаяли и память о нем хранили буквально благоговейную.

После этой встречи была еще только одна у меня — мимолетная, во время Собора. А там — получил новое назначение Владыка, несколько теплых писем было от него по разным случаям. И вот теперь — после многих тревог, связанных с его здоровьем, пошатнувшимся уже давно, весть об его кончине...

Каждая смерть в наше время есть брешь, есть утрата невознаградимая — богатыри уходят, а кто на смену?! Истинный богатырь был ушедший от нас Владыка, и память о нем крепко запечатлеется в нас всех, его соратниках, как о вожде, который сам себя не пожалел бы и за собою всех повел бы в деле отстаивания нашей Правды. Ушел боец, и молитвенная память о нем должна для нас сливаться нераздельно с заветом непримиримости со злом и крепкого стояния за Правду.

АРХИЕПИСКОП ИОАСАФ КАК ЖИВОПИСЕЦ И ПОЭТ

ВЛАДЫКА ИОАСАФ КАК ЖИВОПИСЕЦ

Для хотя бы краткой характеристики Владыки как талантливого живописца приведем выдержки из статей и писем людей, имевших счастье быть его современниками.

***

Художник М. М. Хрисогонов, один из постоянных спутников Владыки в его прогулках по горам Югославии, так говорит о нем как о художнике.

"Его лучшие и проникновенные работы были пейзажи Горажды (Югославия), которые он, стилизируя, претворял в несуществующие картины.

Он был исключительно добрым бессребреником и охотно подарил мне несколько пейзажей; конечно, я взял лучшие, как мне казалось.

По одному его этюду, и тут же можно добавить и эскизу, я хотел сам написать картину. Она напоминала по замыслу Рериха. Так же получилось фантастично и с известным стилизованным уклоном в форме и цвете.

Картина ничего из себя не представляла, кроме гор, на вершине главной, самой возвышающейся над другими, стоял крест. Все было непропорционально, как и сам крест, незаконченно, небрежно, но зато убедительно и проникновенно. На меня производило впечатление глубокой художественности взаимных отношений всех живописных элементов. В работе чувствовалась художественно-живописная мысль: в природе была какая-то особенная тишина — спокойствие, и вот этот возвышающийся крест над всем создавал впечатление слияния природы с Высшей Силой.

Здесь не было человека, но он чувствовался в своем стремлении к Всевышнему. Как было приятно переживать это настроение. Когда я вспоминал этот этюд, я вынимал его и подолгу изучал и наблюдал движение беспокойной кисти и снова получал настроение, переживая и чувствуя всегда по-новому.

К сожалению, из Белграда я уехал с ящиком красок и парой смены белья. Все картины, (а их я не жалею) и все рукописи по искусству, детскому творчеству и научные работы по психо-технике рисования и живописи (с чем я давно примирился) — все пропало. Пропал и эскиз Владыки Иоасафа. Вот его мне жаль, потому что его я восстановить не могу. Осталось лишь воспоминание о каком-то грандиозном замысле, о всепретворяющей природу творческой мысли человека — монаха, поэта и художника.

Если бы этот эскиз был у меня под рукой теперь, я бы написал большую по размерам картину.

***

Мы располагаем двумя статьями из газет "Русское Слово" № 163 за 1960 год и "Наша Страна" № 540 за тот же год по поводу выставки картин, рисунков и фотографий покойного Архиепископа Иоасафа, выдержки из которых и помещаем.

15-го мая 1960 г. Сретенское Сестричество организовало в Буэнос Айресе выставку картин и рисунков Архиепископа Иоасафа, которая содержала 200 экспонатов, а также целую серию фотографий, снятых самим Владыкой, а также собранных им при жизни редчайших снимков Царской Семьи.

Прямо против входных дверей был помещен портрет Владыки, улыбающегося своей доброй улыбкой каждому входящему на выставку.

На длинном столе были разложены мелкие рисунки и все фотографии, а по стенам вокруг зала были развешены с большим художественным вкусом все картины покойного Владыки, исполненные акварелью, маслом, тушью и карандашом. Они представляли храмы и пейзажи, начиная от крайнего севера до южных губерний

нашей далекой Родины и тех мест, куда Господь направил стопы Владыки в изгнании, — Югославии и Канады.

Некоторые рисунки исполнены с большим настроением, несколькими мазками; другие более реально; третьи — тонко обработаны. Всюду — правда, рельеф, перспектива, воздух. Создается впечатление, что вы глядите в некий волшебный бинокль через моря, океаны и далекие земли на наши родные святыни и виды и на ландшафты и храмы Югославии и Канады. Были карандашные наброски русских крестьян Олонецкой губернии.

Большинство посетителей по нескольку раз обходило дал, и никто не уходил, не внеся своей лепты — вклада Владыки на дорогое ему церковное дело. Уходя, русские люди горячо благодарили Сестричество за счастливую мысль познакомить их с произведениями талантливого художника — Владыки Иоасафа, настолько скромного при жизни, что лишь ближайшее окружение знало о его даровании. Думаю, и сейчас многим неизвестно, что собор в Монреале был расписан им самим.

...Русскому Буэнос Айресу только что состоявшаяся выставка, посвященная творчеству покойного Владыки Иоасафа, дала больше, чем можно было ожидать. Прежде всего потому, что столь неожиданное для многих творчество скромного художника-архипастыря перенесло нас в иной мир, мир исторического прошлого нашей Родины, того прошлого, которое покрыло ее монастырями и церквами, населило эти монастыри лучшими представителями народа — создателями и распространителями его культуры; наполнило эти храмы молящимися, из среды которых вышли наши зодчие, иконописцы, художники.

По выражению одного из отцов Церкви, Православие это — **тишина**. Как живо мы это почувствовали перед каждым уголком России, запечатленным покойным Владыкой через его творчество, через его краски почувствовали сильнее, чем бы действительно стояли перед этими храмами и монастырями.

Покойный жил в сердце своем их жизнью, дышал тем же очищенным воздухом вершин и своей кистью,

своим карандашом на какой-то короткий момент приобщил и нас к этому миру...

Медленно продвигаешься от одной картины к другой; каждую хочется если не унести, то хотя бы запечатлеть в душе. Сколько тут для многих знакомого, родного и... уже столь невозвратно далекого.

Каждый стремится приобрести то, что ему ближе, но картин не хватает. Москва, Киев, наш Север — все наше прошлое здесь!

Сколько слышишь сожалений, что эта выставка неповторима, что это богатство русскости в ее наиболее чистом выявлении, столь художественно запечатленное рукой русского Архипастыря, не останется общим достоянием.

На стене большой портрет Владыки — художника, увеличенный к этому дню. Но, как ни странно, мы ближе чувствуем его в тонком штрихе карандаша, зарисовавшего деталь нашего зодчества, в его красках Севера, чем в знакомых и дорогих нам чертах лица.

Мы по-новому почувствовали его душу, напоенную тем нашим исконным благочестием, которое как бы излучает каждая его картина, и мы благодарны ему за то, что в своем художественном наследии он сохранил для нас дух святого прошлого нашей Родины.

Владыка Иоасаф обладал также незаурядными способностями поэта. К сожалению, объемистая тетрадь с его стихотворениями, оставшаяся в библиотеке, пожертвованной им Аргентинской Епархии, утрачена, и найти ее в течение многих лет не представилось возможным. Мы располагаем только одним стихотворением, которое и приводим ниже, обращаясь с просьбой ко всем лицам, у которых сохранились какие бы то ни было стихи Владыки, передать их нам.

Это стихотворение, написанное в Канаде 12-го ноября 1937 года в одну из поездок Архиепископа Иоасафа по Епархии, дает, конечно, лишь очень приближенное понятие о творчестве Владыки.

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Как ты, степь, широка!
Как ты, даль, далека!
Небо мутно, в сердце смутно.
Ах, тоска — тоска моя!

Снегом белым, вихрем снежным
Ты повитая земля.
С сердцем чистым, с сердцем нежным
Где ты, Родина моя!

Небо мутно, в сердце смутно.
Ах ты, грусть — тоска моя!

Ни привета, ни ответа
Нет нигде мне без тебя,
Ни уюта, ни приюта.
Дивна Родина моя!

Небо мутно, в сердце смутно.
Ах, злодей — тоска моя!

Степью еду я чужою,
Словно круглый сирота,
С неизбывною тоскою
Я останусь навсегда.

Небо мутно, в сердце смутно.
Ах, грызет тоска меня!

***

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. КАНОН СВЯТИТЕЛЮ ИОАСАФУ БЕЛГОРОДСКОМУ
2. "КУРРИКУЛУМ ВИТЭ" ВЛАДЫКИ ИОАСАФА
3. ПИСЬМА СЕСТРЫ ВЛАДЫКИ М. В. ГУЦЕВИЧ
4. НЕСКОЛЬКО СТАТЕЙ АРХИЕПИСКОПА ИОАСАФА
   - а) О ПОЧИТАНИИ СВЯТЫХ ИКОН
   - б) АРХИЕПИСКОП ФЕОФАН
   - в) ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ БРАТИЕ И СЕСТРЫ
   - г) ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

КАНОН СВЯТИТЕЛЮ ИОАСАФУ Глас 8

(Этот канон, составленный Архиепископом Иоасафом Канадским, был одобрен Архиерейским Собором Русской Зарубежной Церкви в 1950 г.)

ПЕСНЬ 1.

ИРМОС: Воду прошед:

Тьмою искушений побеждаем к Тебе, святителю, припадаю. О святителю Христов Иоасафе, от погружения в вечную тьму избави мя.

Страстьми аз содержим весь, к твоему предстательству прибегаю, святителю Христов Иоасафе, твоими молитвами спаси мя.

Слава: Ко Спасу Христу дерзновение имейя, святителю Христов, молю тя, обращая вся помышления к тебе, от обдержащих грехов свободи мя.

И ныне: Тьмою страстей и напастей терзаемую душу мою исцели, Дево Богомати, здравие мне подающи.

ПЕСНЬ 3.

ИРМОС: Небесного круга:

Отче Иоасафе премудре, многих спасения виновник, утверждение быв пастве твоей, и мене утверди ко спасению.

Душевного мира стяжатель от Бога, о святителю Божий Иоасафе, укроти молитвами твоими и моея души бури и печали.

Слава: От благодетеля Господа Христа прощение грехов получивший молитвами твоими и мне испроси прощение грехов даровати.

И ныне: Одержимому безумием страстей, Дево Мати, помози, Тя бо вем, Пренепорочная, от страстей исцеление.

СЕДАЛЕН

В Белограде подвизался еси, святителю Христов Иоасафе, учение Евангельское проповедал еси, и сего последователь был еси истинный, истинную любовь ближним явил еси, вшел еси во врата царства Христова, яко благодати Божия наследник.

ПЕСНЬ 4.

ИРМОС: Услышах, Господи:

Милосердие твое к убогим ведая, сонаследниче Христов, подаждь и мне, святителю, каплю сего милосердия.

Неизреченных благ у Господа сподобльшийся в вечном царствии Его, святителю, имам на тя надежду, да и мене ходатайством твоим сих сподобиши.

Слава: На дне пропасти греховной низлежащу мне, помози, святителю Христов, яко благолюбив сый.

И ныне: Имея Тя, Всепетая, ко спасению руководительницу, всегда в бедах и скорбех, возлагаю на Тя упование.

ПЕСНЬ 5.

ИРМОС: Просвети нас:

Небесного веселия сердце мое исполни, святителю Иоасафе, радость спасения вечного подающи ходатайством твоим.

Мир, превосходящ всяк ум, имети, милосердне, святителю, и мне подаждь нечистому, очищая сердце мое всесовершенно.

Слава: Светлости Божественной достигнувый мрак души моея, святителю Богом возлюбленный, просвети лучами света твоего.

И ныне: Недуг неисцельный души моея исцели, Пречистая Богоневесто, молитвами Твоими, посещения Твоего сподобляющи.

ПЕСНЬ 6.

ИРМОС: Молитву пролию ко Господу:

К Тебе, Божию святителю, молитву пролию яко ходатаю, да естество падшее, тлением и смертию объятое, от тли и смерти освободит Христос.

Твердого предстателя тя имам, угодниче Христов, и злых напастей решителю, всегда усердно призываю, да сих мене исхитиши.

Слава: Господь Судия — блаженное имя твое, святителю отче Иоасафе; буди ми кроткий судия и милостивый защитник пред милостивым Господом Судиею.

И ныне: Лежу ныне, болезную душею и плотию, недугуя за грехи, но Ты, Пречистая Богомати, исцели душевные моя недуги, и от телесных недуг возставляющи.

ПЕСНЬ 7.

ИРМОС: От Иудеи дошедше.

Свое спасение устроити хотя, девственную чистоту явил еси, святым отцам подражая, богомудре Иоасафе, и якоже отцы наша воспел еси: Боже, благословен еси.

Умоли, святителю, Избавителя Господа, к Нему теплыми молитвами, да избавит нас от вечного осуждения, да и мы зовем с тобою: Избавителю Боже, благословен еси.

Слава: Покаяние всецелое и люботрудное показал еси, святителю, всем нам, да и мы, подражающе житию твоему, достигнем сокровища небеснаго, воспевающе: Боже, благословен еси.

И ныне: Сподоби нас, Пречистая, родшая Христа, с любовью поющих Тя, избавитися от тления и слабости телесныя.

ПЕСНЬ 8.

ИРМОС: Царя небеснаго:

Слуга Царя небесного, ускори молитвами твоими помощи ми, да не отвергнут буду от Христа Царя.

Ты, претстателю от Бога крепкий, души моея болезни исцели, да и тя, отче Иоасафе, прославлю во веки.

Слава: Богатство милости и исцелений ты подаеши всем, Святителю, верно тя славящим.

И ныне: Прилоги вражии и многия напасти Ты отжени от нас, Пречистая, да величаем Тя во веки.

ПЕСНЬ 9.

ИРМОС: Воистину Богородицу:

Не отвратися слез моих, святителю, покаяния слез проливший токи, пред Христом воплощимся.

Преисполнен радости небесныя, видений небесных удостоенный, и нас небесных радостей сподоби молитвами твоими.

Слава: Озаренный светом невечерним, святителю пресветлый Иоасафе, сподоби и нас озаритися свыше молитвами твоими.

И ныне: Исцели, Дево, немощи наша, здравие всецелое подающи, и буди нам стена, и покров, и прибежище.

Буэнос Айрес, 19. 9. / 2. 10. 1954 г.

МОЕ КРАТКОЕ "КУРРИКУЛУМ ВИТЭ"

1. Родился в селе Ребовичи, Тихвинского уезда, Новгородской губернии в 1888 году 14 января и крещен с именем Иоанна.
2. Родители — отец священник Василий Скородумов, мать Феодосия Михайловна в девичестве Качалова.
3. Окончил Тихвинское духовное училище в 1902 году.
4. Окончил Новгородскую духовную семинарию в 1908 году.
5. Окончил Петроградскую духовную Академию со степенью кандидата Богословия в 1912 году.
6. Пострижен в монашество с именем Иоасафа в городе Астрахани Преподобным Феофаном Астраханским, 13 ноября 1912 года.

7. Рукоположен в сан иеродиакона в городе Астрахани 18 ноября 1912 года, а в сан иеромонаха 21 ноября 1912 года.
8. Назначен Учебным Комитетом на должность помощника смотрителя Яранского духовного училища, Вятской губ. 1 ноября 1912 года.
9. Переведен на таковую же должность в Полтавское духовное училище 17-го декабря 1913 года.
10. Высшим Церковным Управлением назначен смотрителем Лубенского духовного училища (Полтавской губернии) 9-го декабря 1919 года.
11. Возведен в сан Архимандрита 19 апреля 1920 года — в Крыму.
12. Прикомандирован к штабу Главнокомандующего генерала Врангеля в качестве проповедника Армии 20 мая 1920 года.
13. Обслуживал по назначению Епископа Армии Преосвященнейшего Вениамина военные госпитали в Константинополе с 1-го декабря 1920 года по февраль 1921 год.
14. Пребывал в монастыре Вратна (Сербия) в качестве собрата и духовника с 1921 - 1922 гг.
15. Назначен Заграничным Синодом на должность настоятеля Православной Общины и законоучителем в гимназии в Герцеговине (Далмация-Сербия) 13-го февраля 1922 года.
16. Состоял на должности Директора той же гимназии, законоучителем и преподавателем истории и географии с 1924 года по май 1925 года.
17. Состоял законоучителем в кадетском Донском Императора Александра III-го в Билече и Горажде (Сербия) с июня 1915 года по 1-е сентября 1929 года.
18. Назначен Преосв. Аполлинарием настоятелем в городе Монреаль пров. Квебек, Канада, в храм Св. Николая 30-го сентября 1929 года.
19. Определением Заграничного Синода назначен Епископом города Монреаля (Канада) 29-го мая 1930 года.
20. Хиротонисан во Епископа Монреальского в качестве Викария Архиепископа Аполлинария с оставле-

нием в должности настоятеля 29-го сентября (12-го октября) 1930 года.

21. По определению Заграничного Синода состоял два месяца заместителем Архиепископа Виталия по управлению Северо-Американской и Канадской Епархией с 8/21 августа 1935 года.

22. Общим Сев.-Американским и Канадским Собором (соединенным) назначен Епархиальным Архиереем Западной Канады 16-го мая 1936 года.

23. Совещанием Епископов Заграничного Синода предоставлено управление всей Канадой, и затем Общим Собором (соединенным) назначен правящим всей Канады в 1940 году.

24. Возведен в сан Архиепископа 16/29-го октября 1945 года.

25. Временно командирован в Аргентину 25-го ноября (8-го декабря) 1950 года.

26. Назначен Правящим Аргентинской Епархией — 10 / 23 июля 1951 года.

27. Награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке. 29 марта / 11 апреля 1952 г.

Архиепископ Иоасаф

ПИСЬМА
СЕСТРЫ ПОКОЙНОГО АРХИЕПИСКОПА ИОАСАФА
МАРИИ ВАСИЛЬЕВНЫ ГУЦЕВИЧ

Родной мой и дорогой братец!

Прошу твоих братских молитв, т. к. я очень в них нуждаюсь. Устарела уже, сил стало мало и часто болею. Скорблю очень, что вся наша жизнь прошла в разлуке. Больше 45 лет не видели друг друга. Разве это не горе? Думала, что письмо мое ты получил, я писала по адресу, который мне дали в Москве, но оказалось, что адрес неточный, и письмо пришло обратно. Чем я была очень расстроена. Получила новый адрес в Москве от Митрополита Николая. Он шлет тебе привет и пожелание здоровья, помнит тебя и молится всегда за тебя. Если получишь это письмо и есть возможность, отзовись на мою просьбу, дорогой братец, напиши, как твое здоровье и душевное настроение. Тоскую о тебе всю жизнь, жду весточки с великим нетерпением. Если уже видеться нет возможности, то хотя бы мне дождаться и прочесть слово-другое, написанное твоей рукой, я бы горько от радости оплакала их и уже спокойно умерла, зная, что ты жив и будешь молиться за меня. Со слезами прошу тебя отзовись, успокой свою сестру.

Шлю самые искренние и сердечные пожелания: здоровья, душевного покоя и мира. На твоем трудном пути желаю благополучия. Молюсь за тебя всегда — пока жива. Привет и пожелания здоровья от всех родных и знакомых. Брат Женя умер в 42-м году, тетя Саша в 54-ом году. Мало кто остался в живых за эти годы, а главное во время войны. Буду с нетерпением ждать твоей весточки. Получу ответ, тогда и напишу подробнее, что тебя будет интересовать.

Еще раз прими мои наилучшие пожелания.
Будь здоров и помолись за меня.
Остаюсь всегда скорбящая за тебя и любящая

твоя сестра **Мария.**

9-го июня 1957 года.

Мой адрес: Ленинград ф-125. Театральная площадь № 16, кв. 22 Гуцевич М. В.

Это письмо было получено через полтора года после блаженной кончины Архиепископа Иоасафа. На него проф. Е. Э. Месснер ответил немедленно, сообщив о смерти Владыки, а М. А. Гершельман написала подробное письмо о последних днях Владыки, его болезни, смерти и погребении. После этого от М. В. Гуцевич были получены еще три письма, копии которых приводим.

Глубокоуважаемый господин профессор Месснер!

Примите от меня самую искреннюю благодарность за Ваше доброе и отзывчивое сердце к моему горю. Весть, конечно, слишком тяжела, но я от всей души Вас благодарю, что Вы участливо отнеслись к моему непоправимому горю и этим, конечно, значительно облегчили мои тяжелые переживания. Теперь я знаю, что его уже нет.

Буду молиться до смерти за упокой его души. Шлю я Вам свой сердечный, искренний и слезный привет и пожелание всего наилучшего в Вашей жизни.

Мне, конечно, легче переживать свою тяжелую утрату, зная, что он хотя и на чужбине, но не забыт своими духовными братьями и сестрами и что они вместе со мной разделяют мою скорбь. Буду надеяться, что и впредь его бывшая духовная семья не забудет своего пастыря.

Какая ужасная болезнь постигла моего страдальца, но я успокаиваюсь, что он умер без тяжелых мучений. Был ли кто с ним при последних минутах его жизни? Передайте мою сердечную благодарность и привет —

всем духовным братьям и сестрам Владыки за их сердечное отношение и внимание к моему любимому и дорогому брату (близнецу).

Обидно очень, что два года тому назад он был жив и я ничего не знала и узнать было трудно. Хотелось бы очень знать мне подробнее о его хотя бы последних годах жизни. Вспоминал ли он когда-нибудь своих родных и знал ли об их существовании. Думаю, что всю жизнь одиноко страдал, как и мы о нем. Теперь из нашей семьи осталась я одна. Мне, верно, как женщине, судьба послала бóльшие страдания. Его Святая Воля!

Дорогой Профессор, простите, что я беспокою Вас, но убедительно прошу, если будет возможность у Вас или у кого-нибудь из паствы покойного Владыки, послать мне снимок могилы. Мою же маленькую фотокарточку прошу сестер отнести на могилку к дорогому моему брату. Пусть знает, что я к нему прилетела проститься и скорблю у него на могилке. Очень, очень больно, что я и пред смертью не повидалась с ним. Точно адрес я узнала очень поздно, только в конце мая нынешнего года, от его друга Владыки Николая. Почему-то он сказал, что брат мой жив, потому-то я и написала опять. Быть может, не хотел меня огорчать. Прежние письма мои до него не дошли с неточными адресами.

Если не затрудню Вас, дорогой Профессор, то очень просила бы откликнуться на это письмо.

Еще раз благодарю Вас за доброе Ваше письмо,
Глубоко уважающая Вас

Гуцевич Мария Васильевна

7-го августа 1957 г. Ленинград.

Дорогая Сестра Марина!

Теперь я могу Вас вполне назвать духовной сестрой. Я это почувствовала, когда прочитала Ваше теплое письмо. Читала несколько раз (как и другие письма) и горько, горько плакала. Плакала от горя, что потеряла уже навсегда своего дорогого и любимого брата, и от радости, что он жил не один, его окружали любящие

сердца и до сих пор хранящие даже его могилку и молятся за него. Разве это мне не радость? Да еще какая! Примите мою слезную благодарность за Ваши труды и заботы. Вас Господь наградит за это.

О Владыке (о своем Ванюшке) я всю жизнь страдала, потому что расстались с ним еще молодыми, с 12 го года. Он кончил в Ленинграде Духовную Академию, а я училась в Институте. После окончания он принял монашество и уехал на службу в Духовное училище в Яранск Вят. губер., а через некоторое время перевелся в Полтаву. В 18-ом году был на родине и служил с папой. Я в это время была в гостях у тети, сестры папиной, в Атхобаде Закаспийской области. С 18-го года больше его мы никто и не видели. Папа умер в 29-ом году, старший брат в 42-ом в блокаду. Мама умерла, когда мы остались 5-тилетними детьми. Старшему было 8 лет, а был еще младший 2 ½ года (младший умер 12-ти лет). Теперь я осталась совсем одна из своей родной семьи. Племянницу, дочь брата, которую он вспомнил, звали Наташей. Всех я горько-горько оплакала. С самого раннего детства я познала горе и так всю жизнь. "Тяжелый крест достался мне на долю". Пока его несу.

Я для своих братьев была матерью, хотя была младше всех. Ванюша — Владыка был меня старше на три часа. Жили между собой и с папой очень дружно и очень любили друг друга. По натуре все мы дети были очень веселые, хорошо учились, так что папа был счастлив с нами, и его мы боготворили. Меня, как девочку — хозяйку-мать, папа и братья на руках носили. Я у них была все. Все тяжести и заботы с детства легли на меня. Бог везде и во всем мне помогал. Владыка (наш Ванюша) среди нас троих был младшим братом и общим любимцем. Был послушный и услужливый, а иногда любил и побаловаться. С раннего детства был религиозный. Старался посещать каждую службу, часто даже с папой служил за псаломщика. Помню, с детства хотел быть военным, а потом при поступлении в духовное училище переменились взгляды. Надо Вам сказать, что в молодости был очень веселый, душа общества. Все его сердечно любили и уважали, был у всех любимец. Добрая и честнейшая душа.

Родились мы и выросли в селе среди красивой природы, вот почему Владыка и любил природу, любил ловить рыбу, в летний грибной сезон каждый день целыми днями ходил за грибами. Мы люди лесов и полей, а потому мне и ему даны имена полевых цветов: "Иван да Марья". Рождение его 14-го января, а день Ангела 15-го января по старому стилю. Я с ним рядышком — 26-го января ст. ст.

Посылаю пока одну студенческую карточку. Есть общие семейные, если хотите, пошлю любительские — сами же и снимали они с братом. Что Вас интересует напишите. Все возможное и приятное для Вас я сделаю. Прошу от всей глубины сердца Вас и всех меня не забывать пока я жива. С Вами мне легче пережить горе свое. После получения писем и подробностей в них, я уже как будто бы давно с вами и лично беседую о своем незабвенном брате. Сразу всего, конечно, и не напишешь, а постепенно буду вспоминать и писать, а Вы мне напоминайте, что для Вас будет интересно.

Повиновение и послушание детей к отцу — это для нас был строгий закон, и мы ему до сих пор верны.

О Вас, Сестра Марина, мне хотелось бы больше знать, чем Вы написали. Буду надеяться, что я еще получу от Вас весточку, а может быть и не одну. Хотелось бы дольше вести переписку, получать Ваши теплые родные весточки. Хорошо? Договорились? Вы были все сестры, духовная паства моего братца, так и я буду сестрой вашей духовной.

Письмо Ваше часто читаю со слезами, ведь там описываете Вы все: последние его годы жизни, дни и минуты, кончина, погребение и все-все. А как мне все это дорого! Спасибо Вам, родная сестра, что Вы послали мне такую ценную память. До смерти все сохраню и с собой возьму. На карточке из Канады — он вылитый папа. Так мне все это приятно, что и не представляю. Все слезами облила горючими. Милая моя, поверьте — тяжело очень, до смерти не забыть. Помолитесь и за меня у могилки, я ведь глубоко верующий человек. Целую Вас крепко, крепко. Люб. М. Гуцевич.

Привет всем-всем. Отцу Протоиерею пер. прив. и что я напишу.

26 октября 1957 г.

Глубокоуважаемый и дорогой моему наболевшему сердцу Евгений Эдуардович.

Вы первый откликнулись на мое великое горе. Я чувствую Ваше доброе сердце, которое до смерти будет мне дорого. Приношу Вам тысячу извинений за мое долгое молчание. Ради Бога, не обижайтесь на меня. Мне так тяжело переживать свое горе — дорогую утрату, что я не в силах была скоро ответить на Ваши теплые, родные письма. Начну писать, расплачусь, сильно расстроюсь и отложу письмо. Даже заболела и почти целый месяц чувствовала плохо. В настоящее время немного поправилась и решила скорее ответить. Слезы все время душат, при каждом воспоминании. Простите меня! Не нахожу слов, как Вас благодарить, дорогой Евгений Эдуардович, за те сердечные и теплые отношения, которые я почувствовала своим сердцем. Еще раз подчеркиваю, что я счастлива; мой дорогой и любимый брат был окружен такими сердечными людьми, которые свои чувства и мне — его сестре дарят и этим, конечно, помогают мне легче пережить мои скорби, а их у меня несть числа. Была надежда, что я на старости лет буду жить вблизи его, и он будет моим помощником в моих скорбях. Так больно, больно, что было счастье так близко, а я несчастная ничего не могла о себе написать. Больше его уже нет! Карточки получила. Все грусть и рассеянность были причиною того, что я Вам сразу не упомянула о них. Простите, ради Бога. Сердечное русское шлю спасибо за Ваши заботы. Буду счастлива и благодарна, если Вы меня не забудете и хотя слово-другое черкнете, ведь я теперь Вашими письмами и живу. Чувствую как будто бы я нахожусь вместе с Вами среди своего дорогого брата. Все вы были его любимые братья и сестры, а потому и я стала вашей родственницей — сестрой духовной. Посылаю карточку Владыки, когда он был еще студентом Ленинградской Академии. Подписи на ней к двоюродной сестре не

стираю, т. к. она написана его рукой, мне жаль уничтожать. Подробности о его детстве, молодых годах, что помню напишу сестре Марине, она просила написать.

Мой сердечный привет, пожелание здоровья и всего, всего доброго Вашей жене госпоже Месснер. Ваши уверения запали глубоко в мое сердце.

Примите мой искренний, глубокий привет, пожелание здоровья и во всем благополучия. Еще раз шлю сердечную благодарность за все, за все!

Буду надеяться на Ваше доброе сердце, что Вы б. м. и еще соберетесь когда черкнуть мне при свободной минутке.

Ваше письмо будет письмом брата. Я очень часто читаю Ваши письма и обливаю их своими слезами благодарности, что Вы откликнулись на мое горе, такой человек. Как бы я была счастлива быть среди вас всех.

Глубоко уважающая Вас М. Гуцевич.

26-ое окт. н. ст.

НЕСКОЛЬКО СТАТЕЙ АРХИЕПИСКОПА ИОАСАФА О ПОЧИТАНИИ СВЯТЫХ ИКОН

(Из журнала "Православное Слово" № 2/6 за 1952 г.)

Спрашивают: почему надо почитать святые иконы? Неужели же это нужно для нашего спасения? Да, скажем мы, — нужно, ибо почитание икон есть путь для стяжания спасительного настроения.

Для спасения нужно: читать Евангелие, читать Псалтырь и богослужебные книги, читать другие душеполезные книги, написанные словами. Святые иконы — те же книги, только написанные красками. Они служат во спасение, когда все наши чувства: зрение, слух, обоняние и осязание, вся душа и все мысли наши исполнены спасительными образами. Тогда весь комплекс наших ощущений становится спасительным, святым, чистым, небесным.

Смотря на лики Спасителя, Божией Матери, Божиих Святых, пребывающих с Богом друзей Божиих, — невольно вспоминается Дело, совершенное Господом, вспоминается жизнь Богоматери и жития и подвиги Святых. Все это взывает к подражанию во спасение... И если мы сосредоточиваем на этом наши мысли и наши чувства, то святые лики становятся для нас живыми, и мы обращаемся к ним, как к живым. И Спаситель, Богоматерь и Святые, видя нашу искренность, отвечают нам на наши чувства.

Мы привыкаем к святой иконе, зная, что через нее нам будет отвечено на наши просьбы. Таким образом устанавливается животворящая, святая связь. Такая икона для нас и для всех приходящих к ней становится "чудотворным" образом, "чтимой" иконой. По мере чудотворения возрастает и сила веры молящихся перед ней, а с возрастанием веры увеличиваются и чудеса.

По определению Седьмого Вселенского Собора св. иконам воздается не Божеское, а почитательное поклонение. Поклонение не краскам и дереву, а первообразам,

начертанным на этих иконах. Вторая же Заповедь: "не сотвори себе кумира" ... вовсе не имеет в виду изображение лика Спасителя, Божией Матери и святых, а относится к идолопоклонникам и их идолам.

В обычной жизни мы тщательно храним и оберегаем изображения своего отца, матери, родных и знакомых. При виде их исполняемся чувствами любви, благодарности, уважения и почитания. Гневаемся на тех, кто посмел бы оскорбить их, дорогие нам изображения. Почему же не перенести эти чувства и на образы ОТЦА НЕБЕСНОГО, Его Божественной Матери, Его Святых — наших ходатаев и благодетелей, по крови человеческой родных братьев наших.

Мы, православные, это и делаем.

АРХИЕПИСКОП ФЕОФАН

(Из журнала "Православное Слово" за 1953 год).

Сего 6-го февраля исполняется 13 лет со времени кончины приснопамятного Архиепископа Феофана Полтавского. Он умер в 1940 году во Франции в местечке Моснес, где последнее время и жил, пользуясь вниманием и уходом своих друзей. По болезненному состоянию своего организма он всегда нуждался в подлечивании себя и уходе. Погребен он на французском кладбище. Вечная могила и цинковый гроб уплачены друзьями из Канады.

Преосвященный Феофан, в мире Василий, был сын священника о. Димитрия Быстрова, Петроградской губернии. Кончил Петроградскую Семинарию и Академию. Рассказывают, что он, будучи тогда студентом Василием Быстровым, написал семестровое сочинение по церковной истории у известного профессора В. В. Болотова. Последний отметил его сочинение как выдающееся, но студент Быстров, по скромности своей желая избежать славы, сжег это сочинение.

По окончании Академии он был при ней оставлен и занимал кафедру по библейской истории. Затем был Инспектором Академии в сане Архимандрита и после-

довательно Ректором этой Академии в сане Епископа Ямбургского.

Его магистерская диссертация "Об Именах Божиих" обратила на себя внимание ученых богословов, даже и иностранных. По данным, ему было предложено переиздать этот труд на доктора богословия, но магистрант, по смирению, отказался. Труд этот в настоящее время представляет редкость, своего рода "уникум". Время его ректорства было как время "благодати пришедшей".

Впрочем, либерализм ученых профессоров не находил в нем поддержки, и кой-кто из них принужден был оставить Академию. Будучи абсолютно ортодоксальным, он не поддерживал либеральных течений ни в науке богословской, ни в устройстве церковной жизни. Все мировоззрение его было основано на святых отцах, которых он знал в совершенстве и читал в подлиннике. В знании их вряд ли кто был равен ему из современников. Да и в жизни своей он осуществлял наставления их.

Знающие его и слышавшие его дивные проповеди сравнивали его по глубине и тонкости мысли со Св. Григорием Богословом, подобно тому, как Митрополита покойного — со Св. Иоанном Златоустом.

При всех своих глубоких знаниях св. Писания и духовной жизни, он был чрезвычайно скромный человек, предпочитал всегда молчание, не навязывал своих мыслей никому, уважая чужую свободу. Его можно было спросить и потом слушать его духоносные наставления. Возражать ему было бы большим дерзновением. Споров он не признавал, считая их признаком гордости.

Руководствуя своих преданных учеников, он предлагал "царский путь", предохраняя от крайностей и действий по увлечению или разгорячения сердца, что могло бы довести до "духовной прелести". Советовал опасаться там, где Господь судил, и делать не своевольно, а по "послушанию".

Беседы его со студентами запечатлевались навсегда. Это были беседы действительно "духовного" отца.

В жизни своей много терпел от клеветы, перенося ее в смирении. Только однажды выступил он в газете, когда клевета, как он выразился, "превзошла все границы". Кто знал близко Преосв. Феофана, тот с удивле-

нием прочтет воспоминания о нем одного из профессоров в книге: "Время патриарха Варнавы".

Революция застала его в Полтаве. "Украинцы" арестовали его за то, что он не согласился молиться за самозванную "директорию"... Большевики также пытались его арестовать, но Бог хранил его. Они вошли в кабинет, но не заметили его, хотя он сидел за письменным столом: видя не видели.

Потом вместе с Добровольческой Армией он эвакуировался в Таганрог, где был Заграничный Синод, с надеждой общей, что через месяц вернется опять в Полтаву. Но Бог, управляющий путями человеческими, судил иначе, — ему пришлось разделить общую участь беженцев: сначала в Крыму, затем в Турции на Принцевых островах; потом в Югославии, Болгарии и, наконец, во Франции, где он и скончался, почти затворником.

У всех, кто соприкасался с ним за это время, оставалось неизгладимое впечатление от его бесед, мудрых советов, как от святителя Божия и праведника, кроткого, смиренного, детски доверчивого, но в то же время неприклонного в своих православных убеждениях и дерзновенного в защите церковной правды, что проявилось во время церковного раскола в наше время. Он часто говорил, что смирение всегда дерзновенно.

Проповеди его носили возвышенный характер. Предметом проповедей были: Таина Святыя Троицы, действия Святого Духа, спасающая благодать, смирение, искупление, страшный суд и вечная жизнь. Об его проповеди, однажды сказанной в Белграде, покойный Митрополит Антоний, сам замечательный проповедник, выразился: "а ведь Преосвященный Феофан сказал замечательно, прекрасно!"

Он говорил тихо, и чтобы слышать его слушатели подходили близко, не желая проронить ничего из его сладостной речи. Многие слова его записывались слушателями, потом перечитывались в своем кругу.

В последнее время его почти затворнической жизни он много писал по разным богословским предметам: писал толкование на Апокалипсис в связи с современностью, по вопросу об искуплении и др. Ему были от-

крыты события, свидетелями коих мы являемся и конец которых для верующих утешительный.

Несомненно душа его пребывает в вечном Царстве Божием, о чем некоторые были извещены.

Молись за нас, кротчайший и смиреннейший святителю.

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ БРАТИЕ И СЕСТРЫ

(Из журнала "Православное Слово" № 1 за 1951 г.)

Переживаемое нами время — время испытаний для каждого христианина. Человек познается и познает самого себя лучше всего в страданиях, в скорбях. Скорбями очищается, скорбями учится.

После грехопадения скорби — удел всего человечества, ибо сказал Господь: "в мире скорбны будете". Апостол Иаков просит христиан "уготовать душу на испытание". Прочие Апостолы и святые Отцы наши, древние и новые, все "едиными усты" говорят о страданиях, как о единственном спасительном пути, по завету Господню.

Спасительное иго скорбей отбросить от себя мы никак не можем. Нам остается смириться и примириться. Это же дает нам искусство терпения. А с последним связаны многие добродетели.

Земное благополучие, бесскорбное житие этих добродетелей не дают. Есть пословица: "корень учения горек, но плоды его сладки". Подобно этому и горькая жизнь принесет в будущей, вечной жизни сладкие плоды. Для нас же, скорбящих в земной жизни, это великое утешение. Это и есть подлинная Божественная Правда.

Мы здесь не имеем постоянного града, а "грядущего взыскуем". Посему лучше жить по Правде Божией, нежели по человеческой, постоянно изменчивой, не имеющей другой почвы, кроме греховной.

Сущность человеческой правды мы видим в современной нам жизни — убогой, ужасной, от которой хочется бежать и бежать без оглядки.

Правда Божия — это жизнь бесконечная в Боге, во Свете, где мир и радость о Духе Святом. На пути к этому полному счастью мы и должны пробыть некоторое время в скорбях. А время это — наша земная жизнь.

Воспользуемся же им, дабы заслужить себе полное и подлинное счастье. Будущее за теми, кто в жизни сей страдает за Правду Божию, ибо — "Блажени алчущие и жаждущие правды".

Потерпим же, пройдут и наши скорбные дни. И скажем словами Священного Писания: "поднимите головы ваши", все скорбящие во Имя Божие, ибо "приблизилось спасение ваше".

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

(Из журнала "Православное Слово" № 10 за 1952 г.)

На путях своей жизни мы часто встречаем слова: "опасно", "осторожно"; на дорогах показывается направление, ставятся значки, линии, углы, загибы. Для чего это? Чтобы предохранить путника от грозящей ему опасности, часто смертельной. Нарушит путник предупреждение и... погиб. И разумный путник соблюдает все правила. Это его спасает. "Береженого и Бог бережет", говорит пословица. Это касается внешней жизни. Все стараются исполнять предписания "внешней" жизни. Но почему же, почему проявляют столь небрежное отношение к правилам, "предупреждениям", касающимся внутренней жизни? Ведь нарушения их более опасны, ибо касаются вечной жизни. Касаются души "бессмертной". Какая это глубокая пропасть!

Спасти свою душу, устроить ее для вечного царства, — какая это великая и мудрая задача, необходимейшее из всех заданий. Все земные задания ничто, "суета сует". Ап. Павел все вменяет в "тщету". А мы? О, горе! "Тщетное" и "суету сует" ставим на первое место. Небрежем же о падении "души, вещи бессмертной".

"Возстани спяй", увещевает слово Божие: "возста-

ни спяй“ ”что спиши“, пробуждает громким голосом Святая Церковь.

Но спят беспробудным сном христиане, погруженные в заботы ”суетного света“.

Интересы земли, оказывается, дороже вечных небесных интересов. Нечистоты приятнее благоухающих цветов. Искажены, испорчены все органы чувств. Отупела восприимчивость настолько, что человек потерял способность и видеть и чувствовать ”небесное“.

В раю до грехопадения человек видел Господа, беседовал с Ним, видел Ангелов Господних. Существует одна легенда: Ангел Господень, беседовавший ежедневно с Адамом, некоторое время промедлил. Придя по обычаю в рай, он не нашел Адама и увидел его вне рая, копающего землю; Ангел назвал его по имени, но ответа не получил; второй и третий раз окликнул его, но никакого ответа не получил. Тогда Ангел близко подошел к Адаму, но тот не увидел его; наконец, Ангел прикоснулся к его плечу, но Адам, погруженный в работу, не почувствовал и прикосновения Ангельского.

”Адам, что с тобой?“, грустно спросил Ангел, но опять ответа не получил, ибо Адам не видел, не слышал и не чувствовал.

”Вероятно он нарушил закон Творца“, произнес Ангел и с печалью отошел от Адама...

Так действует грех на человека, а вместе с ним и на всю тварь. Необходимо ж сбросить с себя грех, смыть эту грязь, залечить язвы, исправить чувства, чтобы видеть, слышать и чувствовать божественное, духовное, небесное. Оно так близко к нам. ”Господь — близь есть“, ”одесную нас“; небесное царство ”внутрь нас“ есть. В сердце нашем и Господь, и Ангелы, и царство небесное. Оно подобно сокровищу, скрытому в земле. Земля же это грех, страсти, дурные наклонности, злые обычаи и привычки. Через призму этого темного ”облака“ человек и смотрит на мир, неправильно взирая на него. ”Во тьме ходит“, как выражается Сам Господь.

Такому слепцу уместно всегда сказать: ”опасно“, ”осторожно“. ”Блюдите, как опасно ходите“.

Но, Боже, какое ослепление! ”Видя не видят и слы-

ша не слышат". А сколько грехов, сколько язв нужно лечить. Сплошная язва от темени до подошв.

А что же делать? Нужно покаяние "люботрудное и всецелое". Нужно возненавидеть грех. От своей "самости" совершенно отказаться, да "вселится в нас Христос", по Апостолу.

Самость (гордость) погубила первого ангела, самость погубила первого человека, самость губит и миллионы людей, возлюбивших ее.

"Да отвержется" человек ее и да следует вслед Христа, к этому зовет нас сам Господь Христос, первый исполнитель Воли Бога Отца всесовершенно.

Пусть каждый человек обратит первое внимание на главные язвы, как это бывает при болезнях.

Какие язвы, т. е. грехи? Есть грехи смертные, есть грехи, "вопиющие на небо", есть грехи "против Духа Святого, которые не простятся ни в сей век ни в будущий".

Смертный грех — это для души весьма опасное состояние, грозящее духовною смертью, подобно падению в глубокий ров, из которого трудно выбраться своими силами, нужна посторонняя помощь. Впавший в него потом и кровью очищается, слезами горючими, плачем великим. Такого падающего нужно предупредить: "внимай себе", "весьма опасно", "смотри, грех при дверех", как сказал некогда и Каину милостивый Господь, предупреждая его от братоубийства.

Смертный грех это грех, за который полагалась смерть в Ветхом завете, как, например: убийство, блуд, прелюбодейство, кощунство, богохульство, явное оскорбление родителей.

В Церкви же Христианской, новозаветной — отлучение от Таинства Причастия от семи лет до десяти и более, впредь до окончательного исправления, до полного разрыва от греха и его последствий. А отлучение от Таинства Причащения равносильно отлучению от Церкви.

Это великое несчастье для верного христианина, подобное смерти. Бойся смертного греха, православный христианин, путник в царство небесное, остерегись сделать опасный шаг, чтобы потом тебе горько не раскаиваться и не ходить с поникшей головой. Но еще более

опасный грех, "вопиющий на небо". Это грех, на который Сам Всевышний Господь смотрит гневно. Сам Господь наказует за него согрешившего человека. Грех этот не может быть не наказан, т. к. он вопиет к Самому Творцу Богу и требует справедливого ответа.

Об этом грехе прямо говорится в Священном Писании, что он вопиет к небу. "Какой это грех?" Нам всем нужно знать, чтобы потом знать, в чем каяться, да не возгремит на нас Господь Всеправедный.

Это — грех Содомский и Гоморский. Про него говорится: "грех Содома и Гоморры вопиет ко мне, и иду узнать по "воплю ли грех их", как повествует Библия. Оказалось — грех "по воплю", таким ужасным и мерзким, каким доходил до неба. И гнев Божий смыл с лица земли эти нечестивые города огнем небесным. Наказал Сам Господь.

Это — грех вольного братоубийства. Первым братоубийцей был Каин. Он сделался синонимом всех братоубийц.

Это есть злодейство страшное, непростительное. После него следует ожесточение и нераскаянность. Пропасть за пропастью, гибель за гибелью. "Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли", сказал Господь первому злодею, братоубийце, вызывая его на покаяние, которого не последовало. И Господь изгнал его от Лица Своего и отметил его на всю жизнь: — он, как говорит Библия, — сделался "стеня и трясыйся", он сделался меченым на всю жизнь.

Таких злодеев или подобных им часто не казнили, а предавали "Суду Божию", зная, что Господь Сам их покарает, и что от этого праведного суда они никуда не уйдут. Взыщет за него Сам Бог, ибо это грех "вопиющий на небо".

"Страшно впасть в руки Бога Живаго".

Это также обида вдов и сирот. "Горе вам", говорил Господь книжникам и фарисеям, что вы "поядаете домы вдовиц". Так как вдовы и сироты беззащитны в мире сем, то Господь берет их под Свою защиту. Он Сам слушает стоны и жалобы их, ибо "обида вдов и сирот вопиет ко Мне". Он повелевает судиям защитить

"вдовицу и сироту и убогого". Он "сира и вдову приимет", а кто угнетает их, тот "нечестивец". Как страшно и опасно обидеть вдову и сироту. Господь Сам за них непременно вступится, непременно накажет обидчика.

Будьте ж все осторожны, будьте внимательны, чтобы не впасть в этот грех, "вопиющий на небо".

И еще: "вот плата, удержанная от наемников, дошла до Меня". Опять грех, вопиющий, доходящий до неба. Труд это пот и кровь наемника. Плата — это хлеб, вознаграждающий утрату пота и крови.

Наемник в труде заменяет тебя самого, а "никто же возненавидит плоть свою, но питает и греет ю", говорит Господь. Так близок должен быть наемник, низший брат твой. Обида и обман его неестественны. Сам Господь берет его под Свою Руку, беззащитного. Господь справедлив, Господь все видит, но иногда, по пословице, нескоро только скажет. Всякому работодателю можно дать предупреждение: будь осторожен, здесь есть великая опасность, за тобой следит Сам Судия судей. Жалоба и стон наемника обиженного доходит до ушей Господа, а Он ли не отмстит за вопиющих к Нему.

Вот эти грехи, "вопиющие к небу". В них требуется усиленное покаяние, чтобы Господь не погубил. "Аще кого чем обидел, воздам четверицею", воскликнул один из таких. Подражай и ты, христианин, сему покаявшемуся, вознаграждая за сделанное тобой зло ближнему "четверицею" и больше, да умилостивишь Господа и ближнего; да не пожалуется он Господу, ибо "страшно впасть в руки Бога Живаго".

Теперь, о самом страшном грехе, который "не простится ни в сей век, ни в будущий", как сказал Сам Господь, Будущий Судия и Крайний. Все грехи могут быть прощены даже в этот век, сей же грех никогда. На этом пути должно быть сто раз написано: "опасно", "смертельно опасно", "непроходимая пропасть", "гибель". Что это за грех? Это — "грех против Духа Святаго".

Святые Отцы и подвижники рассматривают три вида этого греха. Первый — сознательное противление истине. Этим грехом грешили фарисеи и книжники времен Христа Спасителя и их последователи. "Вы" говорится о них в Священном писании "присно противите-

ся Духу Святому". Это сознательное противление истине вызывало гнев Господа неоднократно. Он часто смотрел на них "с гневом, скорбя о жесточении сердец их". Господь творил явно Божественные чудеса, и для всех было ясно, что "Бог пребывает в Нем", фарисеи же и иже с ними говорили, что Он творит все силою Вельзевула. Он говорил о Своей смерти крестной, намекая и на них. "Беса имеет в себе", говорили они на это с ожесточением, не имея ни мужества, ни желания покаяться в своем упорстве и ожесточении против Самой Истины. В этом они уподоблялись самому сатане, который сознательно противился Создателю Своему, почему Господь и обличал их: "вы отца вашего диавола есте и похоти отца вашего хощете творити". "Змеи, порождение ехидны, как убежите от суда геенского".

Это упорство и ожесточение продолжалось до закрепления этого греха богоубийством, распятием Господа Христа на кресте. Ни раскаяния, ни возврата не было. Затем последовала уже казнь Божия над ними на земле и... "геена огненная" на вечность.

Второй вид этого греха — отчаяние, соединенное с самоубийством.

В чем сила этого греха? Надо твердо помнить, определить, что "Бог есть любовь". Нет того греха, который превысил бы милосердие Божие.

Дело только в человеческом движении к Богу — покаянии, разумеется полном и искреннем, так сказать, поворотом к Богу всем корпусом.

Даже для диавола оставлено место для такого свободного движения, как видно из жития Св. Преп. Антония Великого.

Но диавол не хочет воспользоваться этим; он погрузился в бездну последнего греха, последнего отчаяния, последнего и самого крайнего исступления и злобы против Господа Сил. Абсолютно и бесповоротно он направил свою волю против Творца и Его создания. Покаяние для него исключено на веки веков. Это есть "вторая смерть", которой он подверг себя, как первый, страшный и отчаянный самоубийца, отлучив себя от Бога "Жизни" и "Любви", утратив свою подлинную жизнь, данную Творцом совершенно, и потому связан "узами

нерешимыми", и "бездна последняя" обыде его вне света, вне жизни, ибо там, где нет Бога, нет и жизни, а царствует абсолютная смерть. Подобно этому бывает и с человеком, дошедшим до отчаяния и самоубийства. Он теряет чувство Бога как Любви, теряет надежду и веру в Промысел Божий. Теряет даже, вследствие потемнения, чувство самосохранения, вложенное ему Богом. Он бросается в смерть, желая сам себя уничтожить, не размышляя о последствиях сего ужасного шага. Вместо обращения за помощью ко Господу Любви и Жизни или раскаяния, он часто с проклятиями и на людей и на Господа бросается в объятия смерти, как бы бежит от лица Божия, подобно Каину, желая от Него, Всевидящего, скрыться. На последней грани, на последней черте он мог бы остановиться, но первый самоубийца внушает ему дойти до гибельного конца, да не остановится и не раскается. И вот, грех совершен, отнял человек сам свою собственную жизнь, данную ему Богом "Жизни", порвал и отверг все возможности возвращения и... погиб навсегда: "бездна последняя" покрыла его. "Есть грех к смерти, не о сем, говорю, молитесь", — говорит со скорбью Апостол любви, это грех против Духа Святого, который дает и жизнь, и дыхание, и все. Дерзкое отвержение и попрание даров Святого Духа, какой это ужасный грех, непоправимый. Это верх крайнего малодушия, уныния и отчаяния непокаянного.

Третий вид этого греха есть, как определяет один, почти современный нам подвижник: "излишнее надеяние на милость Божию при распущенной (не раскаянной) жизни". В этом состоянии человек отрицает справедливый суд Божий. Часто он утешает себя, говоря: "Бог милостив, что Ему грехи мои? неужели Богу интересны мои грехи? Бог простит, Он прощает всех, все будут помилованы, это — нас пугают, Бог добрее, чем говорят люди, Бог есть Любовь". Или "успею покаяться, на старости лет покаюсь", и многое, многое такого говорит грешник — человек, не желающий покаяться и отстать от своей распущенной, вне-Божией жизни. Потом застает его смерть. Застает его смерть слабым, немощным, бессильным духовно, чтобы искренне покаяться и отбросить от сердца своего приставший, при-

липший к душе грех. А слово Божие пишет, что "ничто нечисто не войдет в царство небесное". Или смерть внезапно похищает его, что часто бывает, когда человек откладывает сознательно покаяние. И в том и в другом случае он уходит из мира сего нераскаянным, погруженным в бездну грехов, и похищает его другая бездна, откуда нет возврата.

Да, Господь — "Любовь", но Господь и сама "Справедливость", "Правда и мир" в Господе — "облобызастася", "милость и истина сретостася".

Господь не только "любовь", но и "огнь поядай" нечестивцев, нераскаянных. Пусть даже любовь, но эта любовь праведников будет услаждать, а грешников жечь, как говорит Псалмопевец: "во аде же кто исповестся Тебе".

Утешения нераскаянных грешников и тут нет.

Что утешения для них не будет, это ясно: "идут сии в муку вечную".

Одинаково, что сказать Бог "любовь", и без справедливости, что сказать Бог "справедливость", но без любви; то и другое клевета на Бога, отрицание сущности Божией. Строить жизнь по этому понятию есть совершеннейшая гибель. Вот почему и отчаянный самоубийца и нераскаянный грешник одинаково погибают духовно.

Это есть "грехи против Духа Святаго", "которые не простятся ни в сей век, ни в будущий", ибо грехи нераскаянные.

Если же в этом веке человек не принес покаяния, не вернулся к Богу при всех средствах к тому, то, как говорит Псалмопевец: "во аде же кто исповестся Тебе".

Поэтому, братие и сестры во Господе Христе, поспешим покаяться, скорей вернемся к Богу, пока смерть не похитила нас, и бездна не поглотила нас.

Este libro terminó de imprimirse en el mes de febrero de 1977 en los Talleres Gráficos "Dorrego", Avenida Dorrego 1102, Bs. Aires, Argentina.